

Путь к дому

повесть

Повесть посвящается памяти
сотен парней с Идели и Урала,
которые, попав в плен к
немцам, добровольцами
отправились в Турцию и
полегли там на полях войны
за независимость этой страны

Была глубокая ночь, но полковнику Тимергалиеву никак не удавалось уснуть. Он лёг не раздеваясь, несколько раз пытался убедить себя, что засыпает, зажмурился и даже пробовал похрапывать, но думы, теснившиеся в голове, сменяя друг друга, не давали забыться — были то приятными почти, то скатывались в кошмар. Голова гудела, словно ветряная мельница, мысли лезли, казалось, изо всех дыр и щелей, захлёстывая его. Он продолжал лежать, отдавшись их воле. Казалось, мозг задался целью перетереть мысли в муку, а ненужную шелуху хотел сдуть, отгоняя, прочь. Он чувствовал, как душа его непонятно отчего ныла и болезненно сжималась, неясная тоска давила на грудь.

Он вздохнул и открыл глаза. Окинул взором тесную комнату. На стене висит карта, с малыми и крупными обозначениями, которые, казалось, плятятся на него, отчего полковника внезапно охватили дрожь и лёгкий озноб. В свете луны он различал на карте названия городов и рек, хотя прочесть их не мог, лишь угадывал: Багдад, Мосул, Эрзерум, Трабзон, Морад, Форат, Джалян, озеро Ван. По флажкам, воткнутому в карту, он будто видел, расположение воинских подразделений, слышал воинскую канонаду, плач детей, испуганные крики матерей. Снова ощутил боль в глубине души. Сердце сжалось, и он быстро встал. Чтобы разогнать тяжёлые думы, решительно, по-строевому, прошагал к окну.

В здание мечети, залитом лунным светом, выделялся, как бельмо, разрушенный михраб. Сорванная крыша минарета раскачивалась, словно пустой рукав безрукого. В темноте чудилось, что этот рукав грозит кому-то кулаком. Разбитые, разрушенные турецкие дома за мечетью, казалось, плакали и стонали от ран. Полковник подумал: «Может, этот минарет, с которого сотни лет протяжными голосами муэдзины призывали верующих к молитве, был разрушен снарядом по моему приказу? И михраб, сотни лет указывавший на Каабу, даривший людям радость и покой, был разрушен моими солдатами? И очаги семейного счастья, теплившиеся в этих домах, погасли по моей вине? Сотни тысяч невинных женщин и детей погибли из-за меня?..» Ему стало страшно. Чтобы разогнать мрачные мысли, он зажёл свет. Среди вороха карт и газет, брошенных на столе, глаза его разглядели последнее письмо дочери. В душе снова что-то дрогнуло. Ему казалось, что в доме не хватает воздуха. Он торопливо шагнул к двери. Холодный воздух принял его в свои объятия. Луч ночного светила ласково скользнул по лицу, почувствовалось лёгкое дуновение ветра. Стало хорошо. Полковник медленно брёл по пустырю. Было далеко за полночь. Всё вокруг объято глубоким сном. Спали жители в уцелевших домах, солдаты в походных кроватях. Всё живое вокруг было уничтожено войной, потому в ауле было тихо и печально, как на кладбище. Однако тишина благотворно подействовала на полковника, успокоила душу, прохлада взбудрила усталое тело. Он прошёлся один раз, второй. Казалось, тяжёлые думы, душевные терзания оставили его. Повернулся к дому. Вдалеке грохнул пушечный выстрел. Потом второй. А может, эхо первого выстрела оттолкнулось от гор? «Наши воюют с врагами» подумал полковник. И вдруг осёкся — кто «наши»? Кто «враги»? Вопрос снова вверг его в смятение: «Кто мы на самом деле?! Кто я, полковник Тимергалиев?!»

Он снова взглянул на разрушенную мечеть, на минарет, на разбитые дома. И опять ему почудилось, что они с укором глядят на него пустыми окнами: «Смотри! Это дело твоих рук! Это твоя заслуга!». Пытаясь взять

себя в руки, он повернулся к развалинам спиной и пошёл к дому. Вдали раздались два ружейных выстрела. И снова в уши ударило эхо. За долгую военную жизнь он слышал множество подобных звуков. Но сейчас по спине пробежал непривычный холодок. Полковник зашёл в дом и плотно притворил за собою дверь. Он снова лёг, поставив рядом маленькую зажжённую свечу с трепетным пламенем. Рука случайно коснулась письма дочери. Он прочёл его уже трижды, но ему казалось, что нечто в письме он что-то упустил. Принялся читать вновь. И опять некий скрытый смысл остался неясным. Письмо было из России, от семнадцатилетней Сююмбике, студентки. Прибыло письмо с еженедельной почтой.

В одном месте слова дочери показались чуждыми, тревожными. Они словно задевали его незажившую душевную рану. Он не мог объяснить себе причину тревоги, но покоя опять как ни бывало.

Дочь сообщала, что поступила на курсы сестёр милосердия. Писала, что не может спокойно жить в тылу, когда на фронте творится такое. Сююмбике умоляла разрешить ей отправиться на фронт, просила благословить её...

Полковник погрузился в сон, словно в тяжёлое забытие. Временами он внезапно просыпался, затем вновь впадал в полубредовое состояние. Ему снилась худенькая, беззащитная дочка. Снился погибший недавно смертью героя единственный сын. Снились давно умершая жена. Она смотрела с мольбой в глазах, тянула к нему руки, а одной руки не было, болтался лишь пустой рукав, как сорванная крыша того минарета... Она пыталась поднять ладони к лицу для молитвы, но ладонь у неё только одна. Нет руки у Нафисы! Отрезана рука, словно ампутирована! И полковник спрашивал в испуге: «Нафиса, ты ли это?!» Ну да! Это она, Нафиса! «Где твоя рука?! Где ты её потеряла? На фронте? Кто отрезал? Враги, или свои?» А кто они, враги? Перед взором его предстало множество турецких женщин, девушек с отрезанными руками, ногами... «С тобой, Нафиса, было то же?.. Или ты сама себя покалечила из-за смерти сына?!»

Тимергалиев вздрогнул и проснулся. Открыл глаза, встал и принялся ходить по комнате из угла в угол, тщетно пытаясь избавиться от мрачных мыслей... Чтобы отвлечься, решил заняться делом, написать ответ дочери, надеясь, что это принесёт облегчение. Но что же написать ей? Наверное, лучше заняться этим завтра. «Отложу до завтра», — подумал он. Из штаба принесли пакет. Полковник вскрыл его и начал читать. Перечитал несколько раз, но смысл циркуляра отторгался сознанием. Словно что-то вонзалось при этом в сердце. В бумаге было написано: «Для того чтобы разделить анатолийских и иранских турок, надобно захваченные земли между ними заселить казаками и протянуть их поселения от Фората до Дажли; в прежние века донских и уральских казаков использовали для отторжения тюркских народов друг от друга, а поэтому и теперь следует переселить казаков на земли Фората». От этих слов полковник почувствовал головокружение. Слова трещали у него в ушах, как детская погремушка. Душа словно вспыхнула огнём. «Да как же это понимать?! — думал он, — зачем это? Для чего понадобилось разлучать турок, разбивать их на две части?» Ответа не было...

Полковник сел писать дочери. «В этой войне погиб мой единственный сын, теперь у меня осталась только ты. И я не хочу, чтобы ты погибла тоже»... Он собирался начать письмо такими словами, но при взгляде на оттиск штабной печати, вдруг почувствовал себя полковником Тимергалиевым. Перо его стало выводить слова о верности воинской присяге, он называл героями отдавших жизнь на войне. А когда речь зашла о дочери, перо вдруг замерло в руке. Он дважды перечитал написанное и понял, что дальше продолжить не может. И почему он пишет письмо дочери по-русски? Ведь прекрасно умеет писать на своём языке и дочь обучил родному языку, нанимал специально для этого учительницу. Почему же отец с дочерью объясняются по-русски?.. От этой мысли ему вдруг стало легко и весело, словно он сделал какое-то открытие. Он начал писать на родном языке. После приветствий хотел приступить к похвалам героям войны, но тут перо его снова споткнулось. На родном языке помянуть войну добрым

словом не получалось. Вспомнилась критика войны в татарских газетах. Татарское его письмо вступило в противоречие с тем, что он написал по-русски...Полковник смял и выбросил оба письма... У него разболелась голова, появилась ломота в теле. Полковник лёг, не раздеваясь. Перед глазами снова стояла дочь. Жена воздевала отрубленную руку к небу, и губы её, шептали молитву. Он проворочался всю ночь, и уснул только на рассвете.

* * *

Уже год, как полковник Тимергалиев на Кавказе. Его полк отправили для подкрепления Сарыкамьшского фронта. Туда он не успел, зато, продвигаясь в направлении Эрзерума, оказал поддержку левому крылу русской армии. При взятии Трабзона его кавалерия успешно отразила атаки турок. Потом его перебросили на юг, где ему пришлось принимать участие в операции соединения русских войск с англичанами, ведущими боевые действия в районе Багдада. И теперь предстоит выполнить очень ответственное задание. Его полк, состоящий из солдат различных национальностей, проживающих в России, готовился к нему месяцами. Он был оснащён по последнему слову военной техники и специально ради выполнения этого разового задания размещён на турецкой территории, которая представляла собой слабо защищённую местность. Полковник приложил много усилий и упорства к подготовке предстоящей операции. Для этого и понадобилось объединение с англичанами. В случае успеха это будет неслыханной ранее военной победой. Имя Тимергалиева войдёт в историю, прославится на века. Его подвиги будут изучать многие поколения курсантов военных школ. Он войдёт в учебники военной истории как герой. А когда станет генералом Тимергалиевым, положение его в обществе также существенно изменится!

Эти и подобные мысли часто занимали его. Полковник тщательно готовил своих солдат и офицеров. Каждая лошадь, каждый пехотинец были отобраны им лично. Он лично проверил всё стрелковое оружие, собрал необхо-

димые сведения, допросил каждого пленного турка, изучил всё бумаги, относящиеся к делу. Полк должен был выступить, как только в горах откроется дорога, пригодная для кавалерии. Полковник держал войско в состоянии повышенной боевой готовности, в любую минуту полк был готов выступить. Тимергалиев ждал лишь команды главнокомандующего: «Вперёд!».

И вот вызов в штаб. Догадываясь, зачем вызывают, полковник взял с собой в Тифлис план и всё необходимые документы. Прибыв на место, тотчас отправился с рапортом к командоваеию. В богатом особняке его принял молодой и любезный русский генерал. Было время завтрака, и его усадили пить чай. Формальная часть разговора быстро исчерпалась, и хозяин заговорил о себе. Он пожаловался на тесноту особняка, на то, что жена его не может привыкнуть к таким условиям жизни. Затем генерал начал говорить о многочисленных конфликтах среди грузин и азербайджанцев, с которыми ему ежедневно приходится общаться. Разговор зашёл о политике. На вопрос: «Что нового в Петербурге, что оттуда слышно?» генерал ответил раздражённо: «Разве вы не знаете? Распутин! Вот новость из Петербурга! Нам приходится жить теперь умом Распутина... Он, каналья, влияет на её императорское Величество. Только и думает, какие трудности создать для армии. Мир, видите ли, заключить надумал!» Генерал стал жаловаться на недостаток денег:

— Жизнь подорожала. Местные — всякие там татарские, армянские, грузинские торговцы — только и делают, что повышают цены. А евреи за грамацей зажимают курс наших денег. В Иране на нашу ассигнацию нельзя даже фундук купить! Требуют золото или серебро...А Дума то и дело создаёт путаницу, то ли умышленно, то ли по глупости, пёс разберёт. Тыл разваливается. Вот Николая Николаевича сюда послали... Хотели в Сибирь, да он обиделся. Теперь гнев свой срывает на здешних да на нас. Вам не понять, вы спокойно делом своим занимаетесь. А у нас суета, мышьяная возня...»

Рассказ генерала огорчил Тимергалиева. Он начал рассказывать ему о

своём полке, о нехватке пулемётов, боезапаса для длительного похода... «Когда эти вопросы будут решены, — заявил он, — полк готов выступить в любую минуту». Генерал изумлённо посмотрел на него:

— В бой рвётесь? Не ведая устали? А мы тут не знаем, как бы фронт удержать. К туркам всё новые войска прибывают. Германия вооружается без передышки. На левом фланге мадыарские офицеры засветились. Ждём наступления турок на Кавказ. Каково отношение к нам местных, сами понимаете. Как волка не корми — всё в лес смотрит. Среди турецких офицеров есть азербайджанцы. На грузин надежды никакой. Они сами грабят верных нам карапетов, убивают их... Потом в тылу — в Москве, Казане, Бахчисарае, Баку — ведётся мощная протурецкая агитация. По распоряжению главного командования, всех татарских офицеров и солдат мы отправили на арабский фронт... Это ведь тоже работа! Хоть и никому не нужная, возможно!

Генерал нажал на кнопку электрического звонка. В дверях показалась крепкая румяная служанка.

— Маша, принеси из моего кабинета большой портфель, — распорядился хозяин, — хочу, полковник, кое-что показать вам. Хотелось бы узнать ваше мнение...

Он вынул из портфеля, принесённого служанкой, номер татарской газеты.

— Вот газета, которая выходит под надзором военной цензуры. Прочтите-ка вот эту статью! Оставшиеся здесь татарские солдаты принесли её в казарму в день мусульманского праздника. Это же антивоенная агитация! Отобрали у солдат, когда они, собравшись в кучу, обсуждали её в нескольких местах! Прошу вас, ознакомьтесь, выскажите своё мнение. Если будет возможность, переведите. Ведь у вас есть офицеры, владеющие языком?

Тимергалиев бросил взгляд на заголовок, подчёркнутый красным карандашом: «Праздник с жертвами, а жертвы — без праздника»...

— Хорошо, генерал, будет исполнено.

Сказал, засунул газету в свой портфель и, попрощавшись, вышел.

В приёмной штаба он застал толпящихся торговцев — армян, евреев, грузин. У офицера, который вышел к ним, один просил вагон для доставки сахара; другой — упаковочную бумагу для фасовки риса, отпускаемого в армию, третий — аванс за доставку лошадей. Ещё один хотел получить разрешение открыть круглосуточный ресторан для господ офицеров...

Молодой адъютант говорил с ними вкрадчиво, многообещающе пожимал им руки. Потом подошел к Тимергалиеву и сказал: «Вам придётся немного подождать, генерал пока занят, но вскоре освободится». И стал тихо переговариваться с каким-то евреем. Взяв из рук еврея бумагу, адъютант скрылся за дверью. Потом вышел и раздал просителям распоряжения и поручения. Увидев полковника, задержал на нём взгляд, словно припоминая что-то. Спohватившись, сказал: «Сейчас, сейчас!» и снова ушёл.

Тимергалиева происходящее стало выводить из себя. Он собрался было сделать адъютанту внушение, как дверь открылась, оттуда послышалось: «Вон! Вон! Вон!» и громкая брань. Из кабинета, как из пушки, вылетел раскрасневшийся человек в чалме, с медалью на шее. От волнения он не мог найти выход. Возле него внезапно появились три мусульманина, которые наперебой стали задавать ему вопросы, словно не замечая состояния, в котором он был. Не отвечая им, он тихо произнёс: «Чего ещё ждать от врага веры и нации!» Тимергалиев хорошо расслышал эти слова. Мусульмане вышли за дверь. Армянский торговец сказал соседу: «Это местный муфтий. Здешние всё за турок. Однако генерал хорошо насыпал ему перца!» И он засмеялся, показав гниловатые зубы. Стоявший рядом пузатый русский купец сказал: «Всёх давно пора передавить. Наши слишком уж добренькие с ними. Живут здесь, как у Христа за пазухой — и никакой благодарности. Казались бы, что ли, в свою Турцию!»

Наблюдавший эту безобразную сцену полковник внезапно почувствовал себя оскорблённым. Не успел он успокоиться, как адъютант сказал: «Прошу вас!»

По-военному Тимергалиев поприветствовал хозяина кабинета. Казачий генерал с большими усами вышел из-за стола, протягивая ему руку:

— Добро пожаловать, добро пожаловать!

Начальник штаба показался Тимергалиеву знакомым.

— Как здоровье, полковник? А вы постарели, как я гляжу!

— Разве мы встречались?

— А как же! В японскую вместе воевали! В Порт-Артуре вы командовали двенадцатым фортом, а я пятнадцатым. Я в то время был штабс-капитаном...

Да, Тимергалиев тогда был капитаном. Теперь он полковник, а бывший в то время юнцом русский штабс-капитан — генерал и командир Тимергалиева. Полковник вдруг вспомнил, как этот человек бежал вместе со своим подразделением с поля боя, оставив его, тимергалиевский фланг, без прикрытия. Вспомнил, какие большие потери понёс по этой причине его форт. Ценой огромных усилий удалось тогда спасти его от полного разгрома. Сам Тимергалиев был ранен в том бою. От командования он получил благодарность, а сбежавший с поля боя штабс-капитан был награждён казачьим георгиевским крестом с бантом. Неприятное воспоминание укололо Тимергалиева. Он почувствовал во рту вкус горечи.

Разговор с начальником штаба длился недолго. Генерал пригласил его завтра к одиннадцати на совещание. Полковник хотел уйти, но генерал всё не заканчивал разговор, его тянуло поболтать. Видимо, поняв, что воспоминания о японской кампании не самым лучшим образом подействовали на гостя, он заговорил о другом. Стал жаловаться на поставщиков. Рассказал, что собирается лично выехать в Баку, наводить там порядок, покончить, наконец, с самоуправством местных властей.

— Там, в Баку, в тылу нашей армии, ведётся протурецкая пропаганда! Тамошние татары помогают турецким пленным, готовятся к бунту за нашей спиной! Вот только что был тут их муфтий. Просил разрешения открыть благотворительный приют для сирот военного времени. Хочет поехать по разру-

шенным аулам, собирать этих детей. В Баку будто бы есть у них комитет помощи беженцам. Я ему говорю: Почему русским не помогаете, беженцам из Польши, Курляндии, Лифляндии? А он мне: «Народ так хочет...»!

Генерал поморщился, затем продолжил:

— Да они ж нашей доверчивостью воспользоваться хотят, нашим ротозейством! Не столько детей собирать, сколько шпионить в пользу турков! Ох, и разозлился же я! Погнал его в шею. Ишь, наглецы! Разбаловал их кавказский наместник. Вот развязали бы мне руки года на три, я б им показал, где раки!.. От всех этих грузин, татар, дагестанцев пепел бы остался!.. Да вот только слабо государство наше. В Думе у нас и в газетах мямли, пустозвоны сидят! Ты слышал, приехали к нам два полковника — француз и англичанин Маман? Желают, видите ли, ознакомиться со здешним положением. Я бы им показал фронт, моя бы воля! Всё они масоны да шпионы! Республику они желают нам тут, видите ли, построить!.. Немцы предлагают, будто бы, мир с ними заключить, говорят: Стамбул — вам, мол, а французский север — нам. Обещают оставить Польшу, старые наши границы восстановить вплоть до Карьята... Думаю, неплохо бы согласиться. Зачем кровь напрасно проливать? Живот свой беречь нам надо, полковник, живот!

Видя, что Тимергалиев не поддерживает разговор, генерал сказал:

— Ещё увидимся, полковник. Будет скучно, приходите в ресторацию «Чёрная кошка». Посторонних там не бывает. Там мы, словно у себя в штабе. Приходите!

Тимергалиев вышел на улицу. От различных впечатлений в голове был сумбур. Время шло к обеду, надо было подумать, где перекусить, — в военном клубе, или найти какую-нибудь столовую. Он не спеша прошёлся по красивым городским улицам. Мимо шли нарядные, ухоженные дамы, барышни. Тимергалиев зашёл в бакалейную лавку, купил бумагу, шоколада, конфет, взял дочери красивую вышитую сумочку и шёлковый платок, намереваясь выслать их по почте. Он подошёл к кассе. Стоявшая у кассы

покупательница очень внимательно, как ему показалось, взглянула на него. Полковнику женщина показалась знакомой. Он порылся в памяти, вспоминая, где мог видеть её лицо. Тем временем он расплатился, перекинулся с кассиршей парой слов. Не успел убрать бумажник в карман, как услышал:

— Вы полковник Тимергалиев?

— Да.

— Здравствуйте! Я была знакома когда-то с вашей женой. Прошло много лет, вы, наверное, меня не помните. Я Асма, подруга Нафисы. Я живу здесь. Мой муж азербайджанец... Я даже на вашей свадьбе была.

Полковник вспомнил свою свадьбу. Эта немолодая женщина и впрямь напоминала одну из подружек жены.

— Простите, — сказал он, — я, действительно, многое забыл из тех лет. Что поделаешь, столько времени прошло.

Женщина засыпала полковника вопросами. Её интересовало решительно всё, вплоть до подробностей смерти Нафисы. Расспросила его о детях. Узнав, что Тимергалиев приехал в Тифлис ненадолго, сказала:

— Если вы ещё не обедали, сделайте милость, пообедайте с нами. Мой супруг адвокат. Он слышал о вас из моих рассказов и будет очень рад.

Тимергалиев пытался отказаться, ссылаясь на свой дорожный внешний вид, но Асма-ханум была весьма настойчива. Почти с силой усадив его в свою коляску, она увезла Тимергалиева обедать.

* * *

В доме адвоката Арслана Ульмес-оглы полковник Тимергалиев почувствовал радушие хозяев. Адвокат принял его как дорогого гостя, время до обеда прошло в разговорах о детях, о семье. Асма-ханум пригласила к столу. В уютной столовой, у накрытого стола, гостю представили дочерей хозяев — двадципятилетнюю Фариду и семнадцатилетнюю Зайнаб. Когда всё собрались уже обедать, впопыхах вошёл приехавший откуда-то сын — студент Ибрагим и сел со всеми за стол.

Пельмени, приготовленные по-казански, напомнили полковнику

старые мирные времена. Отвыкший в походах от домашней кухни полковник вспомнил свой дом. После пельменей принесли плов, а после плова ароматный зур-балиш с бульоном, запах которого окончательно вытеснил из памяти вкус армейской еды. Он почувствовал себя в своём оренбургском доме, в окружении близких и родных. Казалось, перед ним еда, приготовленная женой и тещей. В гостеприимном адвокатском доме на душе его стало вдруг тепло, Асма-ханум всё время подкладывала гостю угощения, Зайнаб весело что-то говорила. Даже Ибрагим, насуплено глядевший в тарелку, нет-нет да бросавший на него исподлобья косые взгляды, был ему симпатичен. Вместе со сменой блюд разговор перетекал от одной темы к другой, но более всего говорили о Тимергалиеве, о его жене, дочери, об их жизни. Фарида заинтересовалась Сююмбеке, ей хотелось знать, где она учится, кем хочет стать, о чём мечтает. Гость отвечая, что дочь учится в петербургском университете, на историко-филологическом факультете, рассказал о её друзьях, о литературном кружке, который они посещают. Зайнаб иногда прерывала расспросы сестры историями о своей музыкальной школе, о своих армянских подружках. Повела о том, как поспорила с одной русской девушкой: кем является Таниев — русским или татаринном. По её мнению, она в этом споре победила.

Арслан-эфенде, видя, что полковник с удовольствием общается с его детьми, был рад этому. Ему хотелось, чтобы Ибрагим тоже принял участие в общем разговоре. Он пытался задавать ему вопросы, но сын отвечал односложно, предпочитая помалкивать. Полковнику он напомнил мышонка, который, почуяв снаружи кошку, боится выглянуть из норки.

Пить кофе по-турецки перешли в гостиную. Фарида села за рояль. Зайнаб приготовилась петь. Асма-ханум с мужем продолжили беседу с гостем. Ибрагим сел в кресло, стоявшее в углу, и принялся рассеянно ворошить газеты на журнальном столике. Зазвучал рояль. Это была песня «Ашказар», которую так любила петь его Нафиса. Фарида аккомпанировала красиво, с чувством. Дождавшись такта, Зайнаб вступила. Голос её, словно

шёлк, мягкий и нежный, проникал в самую душу. Тимергалиев вдруг забыл о времени и о месте, где находился. Душа унеслась к прекрасным берегам далёкого Дима, где они были так молоды и счастливы когда-то с женой. Голос Зайнаб раскрывался всё больше и звучал теперь широко, полно и прихотливо звеня, как лесной ручей. Такого исполнения полковнику слышать ещё не доводилось. Под искусными пальцами Фариды старинная мелодия, иногда казалось, плакала и стонала, выражая тоску и печаль, которые перекликались с его сегодняшним настроением, с горестными воспоминаниями о безвозвратном прошлом. Вслед за «Ашказаром» последовал «Сакмар», затем «Галиябану» и «Тафтиляу», отрывки из опер «Лейла и Маджнун», «Аршин-мал-алан». Эти оперы полковник раньше не слышал. Звучали азербайджанские, кумыкские песни. Зайнаб пела и голос её становился всё увереннее и проникновеннее. Фарида играла с видимым удовольствием, легко и без усталости. А полковник Тимергалиев слушал и мог бы слушать ещё очень долго. Когда образовалась пауза, он попросил сыграть ещё что-нибудь. Асма-ханум подсказала:

— Сыграйте «Марш Тамерлана»!

Девушки сели рядом и заиграли в четыре руки. Своей мощью, яркой, насыщенной мелодией музыка взбудоражила душу полковника. Он почувствовал себя военачальником огромного войска. Музыка рисовала живую картину боя, маневры, перестроения ханских воинов. Своих воинов полковник представил в древних чаготайских одеждах, подобных тем, которые им показывали во время лекции по истории в генеральном штабе русской армии. За время, которое звучала эта удивительная музыка, он словно пропустил через себя историю Тамерлана, прошел с ним, рука об руку, его боевой путь, пытаясь проникнуть в помыслы завоевателя, осознать его несокрушимую волю. Плач, стенания, жалобные мотивы звучавших ранее песен, родившихся на берегах Идели, словно оттенили мощь беспощадного дикого воинства. Как знать, не пойдя Тимур войной на Золотую Орду, не разори он её, может быть и не было бы прекрасной и

печальной «Ашказар», полной народного плача мелодии «Тафтиляу». Быть может, сыну Идели, полковнику Тимергалиеву не пришлось бы вести сюда с родных берегов полк, составленный из тюркских сыновей под знамёнами с чёрной двуглавой птицей, чтобы воевать с другими тюркскими сыновьями, живущими здесь. И, быть может, крылья чёрной птицы не распростёрлись бы так далеко, до самого Кавказа, до золотого Самарканда, где лежит прах грозного Тамерлана? Возможно, птица эта, не положила бы хищный взгляд на берега Джали и Фората, не пыталась бы силой водрузить крест, над Стамбулом и проливами?

Музыка размыла преграды между адвокатской семьёй и полковником. Когда она смолкла, даже Ибрагим подошёл к гостю и положил перед ним несколько газет и журналов. Тимергалиев взял в руки сатирический журнал «Мулла Насретдин» и развеселился, перелистывая страницы с картинками. Потом просмотрел татарские газеты из Баку, Казани, Оренбурга, Москвы и Уфы. Была здесь и та газета, о которой шла речь с молодым генералом. Он развернул её и стал читать. Арслан-эфенди, увидев это, сказал:

— В этой газете удивительная статья, полковник. Хотите, я прочту её вслух? — И начал искать очки. Он похлопал себя по карманам, но очков в них не нашёл, тогда обратился к сыну:

— Сынок, очки куда-то подевались, прочти нам эту статью! — Стареем, без очков читать не получается, — сказал он, глядя на полковника.

Тот кивнул ему, соглашаясь. Ибрагим начал читать так, словно это были стихи: чётко артикулируя, соблюдая паузы, важные места, подчёркивая интонацией.

Содержание статьи заинтересовало полковника. Он внимательно следил за ходом мысли, отмечая про себя выпады автора, догадываясь заранее, к чему он клонит.

Когда статья была прочитана, Зайнаб воскликнула:

— А ведь верно сказано! Мы — вправду рабы русской тирании, русского своеволия! Весь наш народ — и интеллигенция, и военные — всё в

зависимости от русских...

Полковник подумал про себя: «Потому что каждому норма полагается. По одежке протягивай ножки». Он хорошо помнил, как его русские товарищи поднялись после японской компании — кто на две ступени, кто на три. А он сам, имея с безупречный послужной список, с трудом поднялся на одну.

Ибрагим прервал сестрёнку:

— Ты не права, когда говоришь о чрезмерном русском своеволии. Русский пролетариат так же зависим и бесправен, так же гнёт спину на хозяев. Говорить следует о своеволии буржуа.

— А я тебе не верю! — сказала Фарида. — Что такое твой «русский пролетариат»? Сплошь темнота и бескультурие! Что хорошего может он сделать?

— Ты не понимаешь, — возразил Ибрагим, — русский русскому рознь. Русские капиталисты дерутся за рынки сбыта, нападают на Иран, воюют с Турцией. Эта война развязана капиталом. Пролетариату война не нужна.

Арслан поморщился. Асма-бике сказала:

— Никак не могут договориться! Одна за национальную независимость, другой за социальную демократию.

Полковник встретился с Ибрагимом взглядом:

— Это молодость, Асма-бике, молодость. Со временем она пройдёт.

Фарида добавила:

— У нас в Петербурге всё студентки и курсистки за национальную независимость нашего бесправного народа, другого пути нет. Как же не быть националисткой, когда каждый день видишь, как русским сапогом пытаются залезть к нам в душу? Возможно ли быть заодно с врагами?

Ибрагим покачал головой:

— В вопросах унижения, бесправия национализм плохой помощник. Решение может быть только в социальном переустройстве. При социализме не будет национальных и классовых различий. Есть пролетариат и буржуа-

зия. И эти силы находятся в постоянном конфликте друг с другом.

Полковник спросил:

— Где вы учитесь?

— В одесском университете...

Его перебила Зайнаб:

— Это он от одесских евреев набрался, — выпалила она и смутилась, поняв, что сказала что-то не то.

Асма-бике встала и пригласила пить чай. В столовой беседовали в основном о годах былых. В конце чаепития Зайнаб сказала:

— Сегодня наше благотворительное общество даёт концерт в пользу детей, потерявших на войне родителей. Мы с сестрой тоже будем выступать. Вы придёте, полковник?

— Я бы с радостью, если будет возможность. Где и во сколько?

— В грузинском клубе, в восемь.

Полковник пообещал выяснить, сможет ли он быть в это время в клубе. Затем поднялся и стал откланиваться. Арслан и Асма-бике просили его в следующий приезд в Тифлис, остановиться непременно у них.

Вернувшись в гостиницу, Тимергалиев чувствовал себя другим человеком. День оказался чрезвычайно богат на новые впечатления. Хотелось прилечь и всё обдумать, привести мысли и чувства в порядок. Он долго думал о новых знакомых, о каждом в отдельности. Наконец, прикрыл глаза и погрузился в сон.

* * *

Сквозь сон он слышал мелодичный звук, похожий на звон ручья. Как будто Фариды наигрывает нежную мелодию. А он идёт по высокой траве и видит сквозь траву, что приближается к отаре овец. Откуда-то раздалось громыхание железнодорожных вагонов, которое затихало, словно удаляясь. Во сне он услышал, как где-то пробили часы, и Тимергалиев открыл глаза. Вначале ему не удавалось понять, где он, что это за тихая тёмная комната. Сквозь стекло в двери пробивался слабый луч света. Он различил на стене

свою военную форму, висящую на гвозде. Поняв, где находится, он вздохнул. Вблизи послышалось какое-то бормотание. Он пошарил над головой и рукой нащупал дощатую перегородку. Голос доносился из-за перегородки. Закрыв глаза, он прислушался. Говорили по-русски. Голос говорившего показался ему знакомым. Он попытался вспомнить, где раньше слышал этот голос, но не вышло.

За перегородкой двое торговались, обсуждая поставку овса для армии. Различимы были слова: «Пуд пойдёт за..., комиссионные двести тысяч...». Тут заговорил другой, доказывая, что двести тысяч неподъёмная цена... За овёс, дорогу, за то, за сё, — «... Вы же сами понимаете, Иван Иванович...». Голоса вновь превратились в непонятное бормотание. Потом второй голос начал делить двести тысяч: «... интендантскому начальнику пятьдесят тысяч, командиру подразделения пятьдесят, начальнику гарнизонной канцелярии тридцать, Василию Егорычу двадцать пять. Мне тоже полагается, с тремястами-то с половиной тысяч недолго и ноги протянуть...»

Торговли за дверью возобновилась. С обеих сторон сыпались доводы. Сошлись, вроде бы, на ста пятидесяти. Речь пошла о прочих армейских поставках. Из разговора полковник понял, что овёс, предназначенный для лошадей его, Тимергалиевского, полка, разворовывается вовсю. Продуктовое довольствие солдат также разворовывается не менее ходко. Ему вдруг захотелось поймать этих людей и отвести в комендатуру, доложив обо всём наместнику Кавказа. Тут же Тимергалиев вспомнил, чем закончилась для него ссора с интендантами в мирное время по похожему поводу. Ему, с его правдой, объявили тогда выговор, а воры продолжили воровать пуще прежнего. Пока он раздумывал, послышался резкий звонок. Это было так неожиданно, что полковник вздрогнул. Дверь в соседней комнате отворилась, послышалось распоряжение принести вина. Тимергалиев встал, зажёл свет. Оказалось, уже восьмой час. Чтобы попасть на благотворительный концерт, надо было уже начинать собираться. Полковник оделся и вышел в коридор. Навстречу ему попался слуга с подносом,

установленном бутылками. Когда половой растворил дверь в одну из комнат. Тимергалиев, проходя мимо, увидел начальника штабной канцелярии, с которым виделся утром, и купца-армянина. Начальник канцелярии тоже узнал его и, кажется, покраснел.

«Вот за кого гибнут солдаты на фронте, — с горечью подумал полковник, — права была Фариды, говоря про русское своеволие. Но и Ибрагиму в правоте не откажешь: пока русские солдаты гибнут, армянский барышник и потерявший совесть помещичий сынок обогащаются. Воюем, чтобы они тут казнокрадством и пьянством развлекались».

Он вышел на улицу. Времени было достаточно, чтобы зайти в близлежащий духан и выпить чаю. К нему подошёл духанщик и заговорил по-русски с сильным армянским акцентом:

— Вы, уважаемый, видимо, с фронта приехали к нам отдохнуть? Рекомендую вам прекрасное вино! Проходите, пожалуйста, в кабинеты! Есть всё, чего душа пожелает! Есть отличные девочки, полковник...

Хотя Тимергалиев молчал, духанщик продолжал нахваливать своё заведение. Полковник сдержанно сказал:

— Возможно, загляну позже. Когда закрываетесь?

— Да мы всё не закрываемся, уважаемый! Постучите в окошко, я всёгды к вашим услугам, в любое время.

Тимергалиев вышел, подозвал извозчика и поехал в клуб.

* * *

Хотя время до начала ещё было, зал оказался битком забит людьми. Когда полковник отыскал, наконец, свободное место и сел, занавес уже начал открываться. Сначала показали одноактный спектакль в жанре фарса. Зрители, а вместе с ними и полковник, весело смеялись над комическими похождениями опрометчивого офицера, бросившего семью ради счастья на стороне. Следующим номером после спектакля выступили артисты, спевшие отрывок из оперы «Лейла и Меджнун». Третьим номером было выступление двух крымских джигитов, исполнивших танец «Хайтарма». Народ устроил

им овацию и вызывал на бис. Затем была исполнена лезгинка. Потом на сцену вышел молодой человек в костюме казанского татарина. Он декламировал стихотворение Сагита Рамиева «Народ спит, а мне не спится». Полковнику вдруг показалось, что эти стихи написаны о нём, так отвечали они состоянию его души. Он ожидал, что в конце услышит слова, которые соответствовали бы его настроению, но концовка оказалась несколько иной — удовлетворивших его ответов на вопросы, поставленные в начале стихотворения, он не получил. Всё же он долго аплодировал вместе со всеми, вызывая чтеца повторно. На сцену вышел хор девушек. Фарида села аккомпанировать за рояль, Зайнаб солировала. Песня называлась «Последний азан»:

Последний азан! Печальный азан!

Ушли Казан и Астрахан...

Полковник воскресил в памяти печальное события войны между Москвой и Казанью. Когда подумал о недостойной роли Шах-Али в этой войне, не смог сдержать выражения брезгливости на лице. «А сам-то я чем лучше? — вдруг пришлоа ему в голову — разве я не для того воюю на Кавказе, чтобы здесь тоже утвердилось русское господство? Не я ли одних тюрков веду на других тюрков? Не из-за меня ли одни тюрки будут теперь ненавидеть других? Не из-за меня ли они теперь долго ещё не смогут даже думать об объединении? Разве не я расчищаю от турок территорию, на которой должны будут поселить форатских казаков?» Чувство глубокой горечи охватило его. Каждое слово песни было словно соль, сыпавшаяся на его открытую рану. Полковник не знал, куда себя девать от чувства неловкости и боли...

Выйдя из зала, он прошёл в буфет, выпил кофе, поел, попытался отвлечься от грустных мыслей американской благотворительной лотереей. В буфете сидела компания учителей из Казани. Узнав соотечественника, пригласили его за свой стол и стали угощать чаем. Потом в буфет зашёл Арслан и они выпили шампанского. От всего выпитого и съеденного

Тимергалиев отяжелел и начал хуже соображать. Он нашёл себе в углу фойе место, откуда начал наблюдать за весёлой, энергичной молодёжью. С одной стороны это вызывало у него лёгкую зависть, с другой — грусть. Невольно подумалось о надвигающейся старости. К нему подсел врач-азербайджанец, с которым ранее познакомил его Арслан.

— Смотрите, полковник, — сказал врач, — как кипит энергия у молодёжи. Почему мы, интеллигенция, не умеем организовывать её? У нас лучше получается заводить споры, которые постоянно доводят нас до руган между собой. Я только что из Баку. Там при каждом миллионере — своя компания, свой интеллектуальный кружок. Интеллигенция распалась на кружки по интересам и ведёт друг с другом бесконечные дебаты. Нам бы сплотиться, но мы не умеем. Вы сами видели на фронте, каковы потери тюркского населения. Сколько детей осиротело. У нас сейчас набирает силу движение помощи сиротам. Со всей России идёт помощь. Из одной только Москвы прислали сто тридцать пять тысяч рублей. В Казани, Оренбурге сборы продолжаются. Почтой ежедневно присылается немало денег. Приходят сотни писем от желающих взять сирот на попечение... За три месяца мы собрали миллион. И потоки эти не исощаются. По самым скромным подсчётам, сирот и женщин с детьми, оставшихся без кормильцев, не менее двадцати пяти тысяч, а то и более тридцати. Однако добраться до них с нашей помощью нет никакой возможности. Русский штаб не разрешает. В районах, занятых русскими, армянские бандиты режут турецкое население сотнями, а то и тысячами... Женщин насилуют. Молодых турчанок продают в публичные дома, которых сейчас полно и в городах, и в сёлах. Есть у нас девочка, сбежавшая из неволи. От того, что она рассказывает, не только человек, камень зарыдает... Но в штабе и слышать не желают о помощи сиротам. У начальника жена армянка, всё окружение сплошь либо армяне, либо черносотенцы. Что бы мы ни хотели сделать, они уверены, что стараемся помочь турецким войскам. Вы — свой человек, мусульманин. Мы рады, что в русской армии есть такой большой человек,

как вы. Помогите нам!.. Давайте попытаемся хотя бы собрать этих гибнущих детей. Давайте попытаемся помочь женщинам, которые вынуждены побираться возле солдатских столовых.

По щекам доктора скатилась слеза. Тимергалиев хотел было сказать ему что-нибудь в утешение, но рана, бередившая его собственную душу, не позволяла сделать это. Теоретически он мог бы обратиться к заместителю начальника штаба с ходатайством, но, вспомнив утреннюю сцену с муфтием, сказал:

— Я готов помочь, доктор. Но что я могу поделать! Я несвободный человек, хорошо изучил на собственной шкуре, каково в армии выступать против позиции начальства.

— Спасибо, спасибо, — доктор пожал ему руку, — ничего не надо делать особенного, нам бы только увидеть этих людей, помочь сиротам, оставшимся без крова, определить их в приёмные семьи...

— Завтра схожу к заместителю начальника штаба. Но что выйдет из этого, не знаю. Что касается меня, могу лично собрать и привести с собой несколько человек детей. Но только тех, кто рядом с расположением моей части. Сделаю что в моих силах.

Доктор поблагодарил. В этот момент подошла Фарида с незнакомым полковнику юношей.

— Это студент, мой петербургский знакомый, — сказала она, — у него есть к вам дело.

— Я прибыл ради этого дела из Петербурга. У меня есть дядя, который живёт в Батуми. До войны он торговал с турками, поэтому у него были турецкие деньги. Когда началась война, припрятал их до лучших времён, ведь торговец всёгда печётся о прибыли... У дяди нашлись соседи-недоброжелатели, которые донесли на него. Сказали, что он турецкий шпион. В доме у дяди произвели обыск. Нашли две-три тысячи турецких лир, турецкое золото и серебро. Дядю арестовали и он уже несколько месяцев в тюрьме. Семья никак не может ему помочь, даже писем не принимают. Мои

родители очень напуганы. Не могли бы вы как-то помочь нам в этом деле?

Студент опустил глаза.

— Вы уверены, что политикой ваш дядя не занимался?

— Нет, нет! Это невозможно! О политике он даже представления не имеет! И нам, своим родственникам, всегда запрещал вмешиваться в подобные дела. Никакой политики! У дяди только прибыль на уме. А соседи — они завистники...

Полковник занёс в записную книжку имя и адрес. Он задал ещё несколько вопросов и пообещал завтра же всё разузнать. Тем временем прозвенел звонок. Публика поспешила в зал. Выступил грузинский певец, за ним пела русская певица. Затем исполняли отрывки из народных произведений. Было уже поздно. Полковник решил уйти, ни с кем не прощаясь, и уже получил в гардеробе вещи, как к нему подошла незнакомая пожилая женщина, взяла за руку и горячо заговорила на смеси ломаного русского и турецкого языков. Она неожиданно поцеловала его руку и заплакала. Тимергалиев ничего не понял из того, что она сказала. Женщина продолжала о чём-то умолять его. Стоявший в стороне молодой человек подошёл к ним и объяснил, в чём дело. Оказалось, это черкешенка. Её сын решил записаться в туземный полк. Для этого он приготовил коня, купил походное седло, оружие. Кто-то донёс на него, написав, что он революционер. Теперь его хотят судить военным судом по законам военного времени. Перепуганная мать просила защитить её сына.

Полковник посоветовал написать заявление коменданту, но пожилая женщина продолжала рыдать, целовать его руку и опустилась перед ним на колени. Тимергалиев пообещал всё разузнать и снова записал в книжку. Женщина плакала и смеялась от радости. Тимергалиев поспешил к выходу.

От услышанного и увиденного, голова полковника кипела, как паровозный котёл. Понимая, что теперь ему не уснуть, он не сразу вернулся в гостиницу, а не спеша отправился по городу пешком. Там и тут из окон цокольных этажей слышалась музыка. Часто попадались подвыпившие

офицеры. По улице проносились конные экипажи, автомобили с весёлыми пассажирами — в основном офицерами в компании с русскими дамами. Их нетрезвые крики, залиvistый женский смех наполняли атмосферу ночного Тифлиса. Иногда открывались двери ресторанов и оттуда доносились громкая весёлая музыка, пьяные голоса. Вся эта вакханалия раздражала полковника. В поисках тишины он свернул в переулок. Однако не сделал и десятка шагов, как увидел группу казаков. Эти обычно развлекались с барскими служанками. Сейчас они стояли вокруг одного казака, обнимавшего вопящую и отбивающуюся русскую женщину. Мимо казаков шёл пьяный солдат, которого мотало из стороны в сторону. Солдат орал какую-то пьяную песню. Полковник свернул на другую улицу. Краем глаза он видел, как солдат толкнул, шатаясь, одного из казаков. Улица, по которой шёл полковник, была светлее, чем тёмный переулок. Кто-то сзади окликнул его:

— Господин полковник!

Оглянувшись, он увидел подгулявшего генерала, который шёл за ним, ведя под руки двух женщин.

— Познакомьтесь! Это Марья Ивановна, а это Елена Петровна, — сказал генерал. — Что вы тут в одиночестве бродите? Пойдёмте в «штаб», всё друзья-товарищи наши сейчас там. Вам как прибывшему с фронта вольный воздух будет особенно полезен, — сказал он.

Тимергалиеву пришлось предложить руку захмелевшей Елене Петровне. Под «штабом» подразумевался ресторан, располагавшийся рядом со штабом. Генерал стукнул в дверь и из неё выглянул то ли грузин, то ли армянин (полковник часто путал между собой представителей этих национальностей). Обведя прибывших взглядом, он остановил его на Тимергалиеве и спросил:

— Вам кого?

— С нами он. Наш гость, — нетерпеливо сказал генерал, спускаясь по лестнице.

Поддерживая хихикающую Елену Петровну, Тимергалиев пошёл

следом за генералом. По обе стороны узкого коридора располагались двери в отдельные кабинеты. Слышались весёлые голоса, русские песни, плясовая музыка. Компания ещё раз свернула за угол, пересекла просторное помещение. Открылась дверь, и Тимергалиев увидел перед собой просторный зал, залитый электрическим светом. Накрытый банкетный стол был заставлен множеством бутылок всех форм и цветов, стол ломился от закусок и фруктов. В центре стола восседал казачий генерал Петров, знакомец Тимергалиева по Порт-Артуру, рядом с ним, с обеих сторон, сидели русские женщины в костюмах сестёр милосердия. Рядом расположилась ещё один казачий генерал с жеманной, размалёванной дамой и два полковника тоже с дамами. Ближе к краю стола устроился знакомый Тимергалиеву офицер-интендант, а по соседству с ним румяный жандармский офицер. С краю примостился купец-армянин, которого полковник видел в гостиничном номере. Люди начали вставать, пересаживаясь, освобождая места вновь прибывшим. Петров улыбался, прищурился покрасневшие глаза:

— Сюда, генерал! Сюда, полковник! — позвал он, указывая на места напротив себя. — Знакомьтесь, господа! Это наш знаменитый герой, полковник Мирхайдар Батыргареевич Тимергалиев!

Присутствующих представили Тимергалиеву. Одна сестра милосердия оказалась княжной, вторая – графиней. Среди мужчин были представители известнейших в Петербурге аристократических родов. Начальника канцелярии Петров представил так:

— Это известный сердцеед, донжуан князь Оболенский. Когда дошёл до армянина, проговорил: — это любезный Карапет Карапетович, оказавший русской армии множество неоценимых услуг. Так будьте же знакомы, друзья! Прошу любить и жаловать!

Карапет вскочил и проворно разлил по бокалам шампанское. Поднялась захмелевшая дама и сказала:

— Предлагаю тост за здоровье Мирхайдара Батыргареевича, который привёл нас к берегам реки Форат! И за то, что русское знамя в его руках

дошло до Багдада и порта Басра! Да здравствует полковник! — закричала она.

Грянуло дружное «Ура!» и всё охотно осушили бокалы. Кто-то крикнул:

— Музыка!

Появились музыканты и принялись играть грузинские, армянские и азербайджанские мелодии. Вино полилось рекой. Гости поднимались за всех сидящих за столом и, когда выпили за каждого в отдельности, провозгласили тост даже за хозяина ресторана. Присутствующие заметно пьянели. Всё хотели выпить с Тимергалиевым на брудершафт. Некоторые говорили:

— Да если хотите знать, я и сам татарин! Дед мой (или бабка) крестились, — и принимались хвалить татар: они, мол, чистоплотные, они такие да они сякие...

Пирушка шла своим чередом. Женщины вели себя раскованно, словно забыв о приличии. Один только Мирхайдар не мог опьянеть, хотя пил наравне со всеми. И хотя среда эта была ему привычна, забыть о своих переживаниях, связанных с этими людьми, ему не удавалось. Он видел, что Карапет тоже трезв, как стекло, его коробило оттого, что армянин ведёт себя здесь по-хозяйски. У Тимергалиева попойка не вызывала других чувств, кроме стыда и отвращения. Присутствующие пили, хохотали, пели пьяными голосами, он один сидел среди них, не умея отвлечься от тяжёлых дум. Вдруг кто-то крикнул:

— Девочек!

Вместе с балалаечниками выскочили в зал шесть-семь танцорок и начали плясать. Танцорки — немолодые девицы с густо накрашенными для сокрытия морщин лицами. Были среди них и совсём молоденькие, лет по тринадцати-четырнадцати. Девиц усадили за стол. Пока они ели, Мирхайдар услышал, как Карапет Карапетович говорит о чём-то с двумя молоденькими танцорками по-турецки, после чего они пошли танцевать турецкий танец «Зайбек». Пока компания веселилась, плясала, пела и развлекалась,

Мирхайдар подозвал к себе молоденькую девчушку и спросил её по-турецки:

— Ты турчанка?

Девушка испуганно огляделась и сказала:

— Да, турчанка. Нас здесь шестеро, у армян живём. Только, пожалуйста, не говори никому! Мы сбежать хотели, нас бьют каждый день.

— Где вы здесь живёте?

— Клянусь Аллахом, я не знаю, бей. Нас на машине привозят, потом увозят. Так каждый день. Одна девушка у нас больная лежит, — сказала она и вдруг, испугавшись, убежала.

Пирующие опьянели настолько, что родная мать не узнала бы их. Казачий генерал встал и рявкнул:

— «Турецкий марш!»

— Да как же вражеский марш играть? — испугался Карапет Карапетович.

— Играть приказываю! Дождёшься ты у меня, армянская морда! Как смеешь ты мне перечить?!

Пьяные дамы тоже потребовали «Турецкий марш». Одна стала нахваливать турков, утверждая, что среди них попадаются истинные джентльмены. Другая принялась уверять, что среди её предков есть турки. А третья сказала:

— Это армяне, сукины дети, поссорили нас с турками. Османы — золотой народ!

Заиграли марш. Пьяная публика хлопала в ладоши и орала «Браво!». Мирхайдар поискал глазами турецкую девочку. Одна из турчанок, выпив вина, заливалась бессмысленным смехом. Её подружка, прислонившись к стене, плакала. Из глаз её ручьём лились слёзы. О чём плачет это создание, принуждённое к порочной жизни? Кто сможет это понять?

Одна из дам потребовала турецкую песню. Снова за столом поднялся спор. Потом армянин сказал что-то девушкам и та, что плакала, вышла в центр зала. Музыка смолкла, шум стих. И вот звонким голосом девочка по-

французски запела вдруг «Марсельезу». Для слушателей это было неожиданностью. Одна дама стала говорить, что не нужно петь здесь революционный гимн, но остальные слушали с явным удовольствием. Турчанка пела отрешённо, закрыв глаза, не обращая ни на кого внимания. Когда она закончила, публика разразилась громкими аплодисментами. Хлопала даже дама, которая вначале была недовольна исполнением «Марсельезы». Княжна спросила по-французски:

— Кто ты, откуда? Чья ты дочь?

Девушка покраснела и смущённо по-французски ответила:

— Я турчанка...— и убежала.

Девочка, исполнившая «Марсельезу» вместо турецкой песни, внезапно вызвала в душе Мирхайдара сострадание. Было件нятно, что выросла она в приличной семье, получила хорошее образование, и её слёзы, вызванные турецкой музыкой, которые Мирхайдар принял за пьяные, говорили о том, как трудно ей среди чужих.

Буйная компания продолжала пьянствовать. Шум, крики, музыка не смолкали. Внезапно один полковник с диким криком «Бомбардировка!!!» запустил бутылкой шампанского в зеркало, стоявшее в углу. Осколки со звоном посыпались на пол, на них хлынула винная пена. Воодушевлённые таким примером остальные участники застолья тоже принялись швырять бутылки в зеркала. Всё это сопровождалось истошным женским визгом. Когда бутылок не осталось, в стены полетели вазы и тарелки, всё, что попадало под руку. За минуту всё, что было на столе, лежало на полу разбитым. С криком «Ура!» присутствующие начали хватать женщин за различные части тела. Генерал, как овечку, закинул себе на плечи юную турчанку. Один полковник подхватил на руки княжну. Шпильки посыпались с её головы, и волосы упали на лицо. Два офицера вцепились в одну танцорку. Кто-то затянул «Боже царя храни». Со свечой прибежал хозяин, озорник-полковник размазал по его лицу горчицу из чудом уцелевшей горчицницы. Пьяные офицеры принялись перчить и солить хозяина. Всё счастливо

хохотали, видя, как он чихает. Наконец компания двинулась к выходу.

Мирхайдар в суматохе не заметил, куда исчезли юные турчанки. Народ разошёлся по кабинетам. Когда Тимергалиев вышел на улицу, он увидел там только казачьего генерала.

* * *

На следующий день Тимергалиев прибыл во дворец, где располагался главнокомандующий. Кроме него там никого не было. Адъютант проводил его в просторный зал, где на длинном столе были разложены в большом количестве карты.

— Господин полковник, сейчас всё соберутся, — сказал он и вышел.

Оставшись один, полковник окинул взглядом стулья, расставленные вокруг стола, бумаги, ручки, чернильницы. «Похоже, надолго затянулось вчерашнее застолье», — подумалось ему. Большие настенные часы торжественно пробили одиннадцать раз. Мирхайдар нашёл свежую газету и сел читать. Особенных известий с фронта не было, что было неудивительно. Ведь немцы обычно начинают шевелиться ближе к весне. Нанесут на каком-нибудь участке мощный удар и откроют себе и своим союзникам плацдарм для дальнейших действий. Как было в прошлую весну в Карпатах. Похоже, теперь противник собирает свои силы в кулак здесь, на Кавказе. Не даёт им покоя свобода мусульман, тюрков Кавказа. Он взглянул на большую карту и подумал, как поступил бы сам на месте турецкого паши или главы штаба турецких войск. Представил пыльные дороги, чёрные горные хребты, бурные реки Кавказа; прикинул, сколь велико должно быть вражеское войско, которое им придётся остановить; подсчитал сколько дней и недель продлится наступательная операция «...со ста... нет, со ста двадцатитысячным войском. Можно было бы усилить, набрав на Кавказе свежую сотысячную конницу, подкреплённую двумя-, тремясотнями тысяч пехоты. С этим войском можно было бы дойти до Басры и сбросить англичан в Персидский залив. Подобно Чингизхану, одним махом завоевавшему Иран, обошедшему Хазарское море, выйти в Туркестан, подняться вверх по течению Идели до Казани и,

обосновавшись в Золотой Орде, поставить посты на водных путях из России, утвердить таким образом власть над всёй великой рекой вплоть до Хазарского моря... А потом?.. Потом...» Он подумал о народах Туркестана, об их воинском потенциале. Народ в тех краях забыл о военной славе. Но ведь мужчины там — туркмены, киргизы, казахи — рождаются всадниками. Теоретически с этими джигитами можно было бы остановить наступающее с севера русское войско. Сбросить с болгар и ногайцев русское иго. Отрезать Урал и Сибирь от России. Что бы тогда стало с российскими фабриками и заводами, оставленными без сырья? Как повернулась бы история, произошли такое? Сегодняшняя Россия погрязла в революционных идеях с одной стороны, во взяточничестве и казнокрадстве, с другой. Воровство разъедает армию, как моль старые валенки. Россия на грани развала. Что произошло бы, кардинально изменились сейчас русско-тюркские взаимоотношения? Что будет, если шестисот-, семисотмиллионный тюркский народ, населяющий земли от Адерны до Кашгара, вдруг объединится и поднимет знамя борьбы против своего извечного врага — русского государства? Естественно, такого противника за год не одолеть. Узел, который туго завязывали пятьсот лет, одним махом не разрубить. Но мощная Россия, возникшая когда-то из-за ошибки Тамерлана, развалится. Если обрубить крылья чёрной птицы, мечтающей властвовать над миром, Россия вернётся туда, откуда она когда-то начиналась: в пределы своей крошечной Московии.

Теперь противник собирает силы на Кавказе. В штабе турецкой армии непременно должен быть подобный план. Этот план может вывести османскую историю на новый путь взамен пути, на котором было допущено такое множество ошибок и упущений. Вместо империи лоскутного одеяла, сшитой из сорока частей и населённой такими разными народами, на мировой арене появится новое турецкое государство, единая тюркская нация. Для германского штаба будет естественно поддержать этот план, ведь огромный внутренний рынок нового османского государства, союзного Германии, даст немцам толчок для развития промышленности и торговли.

Это дало бы Германии преимущество в конкурентной борьбе с извечной соперницей — Англией. На Суэцком канале Энвер-паша затеял непонятную возню. Его войско, состоящее из тюркских солдат, мобилизованных в тюркских странах, не защищает эти страны, а воюет за Египет, развивая наступление в Африку... Здесь, на Кавказе, российским войскам противостоят арабы. Почему турецкий генеральный штаб поручил арабским войскам кавказско-иранский фронт? Об освобождении тюркских народов, которые радостно встретили бы турок как освободителей, в турецком генштабе, по видимому, речь вообще не идёт. По какой-то причине турецкий генштаб этим не интересуется...

Не успел Мирхайдар додумать мысль до конца, как открылась дверь и вошёл человек в английской военной форме, судя по знакам отличия, полковник. Человек был высокого роста, с редко посаженными зубами, худой, с ввалившимися щеками. Взгляд его имел вызывающее, нагловатое выражение. Шедший следом адъютант командующего попытался представить друг другу полковника Тимергалиева и полковника Вильямса, но Вильямс эту попытку проигнорировал. Он посмотрел на часы, потом оглядел стол со стульями, стоящими вокруг, и, увидев, что за столом никого нет, удивлённо округлил глаза. Тимергалиев заговорил по-английски, но адъютант сказал:

— Полковник говорит на французском и немецком языках.

«Как можно командовать, не зная языка? — подумал Тимергалиев. — Зачем позвали такого на военный совет?»

Усевшись, Вильямс задрал ноги на соседний стул, достал из портфеля и разложил перед собой образцы шёлковых тканей, взял перо, бумагу и погрузился в некие расчёты. Время от времени он что-то бормотал себе под нос, словно считая в уме, потом снова что-то писал. Он подошёл к карте и замерил линейкой ширину Персидского залива. Провёл пальцем по дорогам на Баку и Анзали, измерил их линейкой и снова что-то записал. Вильямс выглядел как заправский коммивояжёр. Наблюдая за ним, Тимергалиев

думал: «Вот кто снимает сливки, пока мы воюем. Кому война, а кому мать родна. Получается, я приказывал своим тюркским солдатам проливать кровь других тюркских солдат и свою кровь, чтобы этим прощелыгам было удобнее возить свой товар?» Он рассматривал издали физиономию Вильямса, пытаясь по лицу определить, что за душа у этого человека. Но из-за его мимики и поведения проглядывали лишь спесь и нахрапистость торговца.

В дверь впорхнул подвижный, нарядно одетый француз, напомнивший Мирхайдару своим видом, что слово «галл» по-французски означает «петух». Изобразив приветливость, он заговорил с Вильямсом по-английски и получил в ответ односложное «олрайт, олрайт».

Подойдя к Тимергалиеву, француз представился по-французски и сказал:

— Я много слышал о вас. — Сделав паузу, продолжил в доверительном тоне: — Видите ли, полковник, немцы прилагают всё усилия, чтобы уничтожить культуру, которая рождалась в муках... И турки во всём этом пляшут под их дудку. За это турок осуждает весь исламский мир. Мусульмане Индии набрали против турок очень большое войско добровольцев. Многочисленные добровольческие части выставили наши Алжир, Тунис, Марокко... Ченакская крепость, Ирак, Македония тоже воюют против турок. И мусульмане Индии и Африки ... А здесь против них российские мусульмане. Определённо прогерманская политика «младотурок» несправедлива. Мы против турецкого народа ничего не имеем. Но турецкое правительство нужно лечить. Мы — врачи для турецкого правительства, мы считаем, что такое оно несёт угрозу для самих турецких мусульман. Наши мусульмане, по сравнению с прежней их жизнью, теперь куда благополучнее. Вовсю идёт их сближение с французской культурой. Когда я был в Алжире и Тунисе, обратил внимание, что у арабских детей большой популярностью пользуется наш Лафонтен!

Француз говорил быстро и горячо. Вставить слово, попытаться вести с

ним диалог было бы затруднительно. Мирхайдар даже не пытался. Тем временем появился вчерашний казачий генерал, который не знал ни французского, ни английского. Он ухмыльнулся, когда англичанин вытаращился на него, и посмеялся над утончёнными манерами француза. Участники совета стали прибывать один за другим. К двенадцати часам совет был почти в сборе.

Англичанин убрал в портфель свои лоскутки. Всё расселись вокруг стола и тихо беседовали в ожидании начальника. Дверь отворилась, вошла дама средних лет. Военные стали подходить к ней и целовать ручку. Когда ей представили Тимергалиева, она сказала по-французски:

— Простите, что заставила вас ждать. Мой муж задерживается по моей вине. После совета прошу отобедать у нас.

К стоящим вокруг генералам и полковникам она обратилась по-русски:

— Вася сейчас придёт. Наш Мубсик заболел, я вызвала ветеринара и попросила Васю побыть с ним. Вася сейчас остался с собачкой.

Без четверти час появился, наконец, генерал. Военный совет начался с доклада штатного полковника фон-Матхайма. Тот по-французски доложил об общем положении на Кавказе. Ещё один полковник переводил его доклад на английский. Казачий генерал от имени группы военных, не владеющих языками, сказал:

— А на русском нельзя было выступить? Вы бы переводили нам хотя бы. А то мы тут ничего не поняли.

Председательствующий ответил ему:

— Вы — свои, с вами после поговорим.

Начался обмен мнениями. Обсуждение ещё не завершилось, когда слова потребовал англичанин. Он заявил, что самым важным моментом является английская оккупация Багдада. Для этого, по мнению Вильямса, русские войска должны выбить оттуда турков. Затем он привёл цифры, показывающие сокращение торговли английских компаний в Ираке, и сказал,

что это катастрофа. Поэтому русские должны в максимально короткий срок исполнить свой союзнический долг.

Председательствующий произнёс речь, сообщил, что генштаб разработал план по вытеснению турецких войск из Багдада. Затем один из русских полковников встал и перечислил мероприятия, которые разработал штаб русской армии. Он сообщил, что проведение данной операции возлагается на части полковника Тимергалиева. Начальник генерального штаба предложил Тимергалиеву доложить детали этого плана. Тимергалиев поднялся. Генералы и полковники, не понимавшие ни по-английски, ни по-французски, сидевшие позёвывая, со скучающим видом, зашумели:

— По-русски говори, по-русски!

Председательствующий попросил было из уважения к гостям продолжить на французском, но потом махнул рукой и приказал переводить с русского на английский. Доклад Тимергалиева был насыщен множеством деталей, назвМамай населённых пунктов, рек, гор, поэтому напоминал урок географии. Француз внимательно слушал, делал пометки на карте, обозначая направления ударов. Англичанин же держался так, будто доклад вообще не имел к нему отношения. Тем не менее, выслушав перевод, он заявил:

— Доклад полковника – утопия. Он за три недели планирует пройти пятьсот километров. Это не реально. История не знает подобных примеров.

Тимергалиев возразил:

— В Балканском прорыве Энвер-паша проходил с конницей по семьдесят пять километров в день. И за два дня вышел на Адриатическое побережье. Во время японской компании были эпизоды, когда мои части продвигались по шестьдесят километров в день. Мои части набраны из тюркских солдат. Их нельзя сравнивать с европейскими. Если тюркский воин сыт и хорошо экипирован, его возможности гораздо выше.

Англичанин взволнованно вскочил:

— Для нас должны быть открыты определённые дороги в определённом количестве! Наша торговля остановилась! И потом, дороги, по

которым намеревается двигаться полковник, это английская зона. По договору о разделе турецких земель, там будет английская зона оккупации. По нашему мнению, вашим войскам следует двигаться вдоль черноморского побережья, прикрывая наши тылы в Ираке. На подступах к Багдаду против нас воюют части, сформированные из татар — германских военнопленных. Вы на помощь им собираетесь послать туда татарского полковника? Я не понимаю...

Тимергалиев живо поднялся и резко заговорил по-французски. Начальник генштаба хотел было утихомирить его, но полковник закусил удила:

— Мы здесь на военном совете и наши планы обсуждаются с точки зрения военной тактики и военной стратегии. Это вам не базар! Мы не можем принаравливать свои действия к торговым интересам других, во вред своим собственным интересам. Спасать экономическое положение английских торгашей, терпящих убытки, — не наша забота. Не наше дело печься о приумножении их доходов. Это во-первых. А во-вторых, Россия — не английский доминион и участвует в войне по собственной воле и по собственным причинам. У русской армии есть свой генеральный штаб, который самостоятельно решает, кого поставить во главе операции. И спрашивать разрешения у английского коммивояжёра он не обязан. И не станет спрашивать коммивояжёра, как поступить.

Тимергалиев дважды произнёс «коммивояжёр» глядя англичанину в глаза. Француз вскочил и поддержал полковника. Он сказал, что считает необходимым более подробно обсудить позицию, которую изложил англичанин. Русские тоже встали, и всё разом заговорили по-русски и по-французски. Англичанин продолжал сидеть, сохраняя вид, будто происходящее его вовсе не касается. Председательствующий позвонил в колокольчик. Запал у Тимергалиева ещё не прошёл. Он по-французски бранил англичанина невеждой, торгашом и готов был стреляться с ним на дуэли.

В разгар споров дверь отворилась, и вошла графиня.

— Господа, — сказала она, — обед стынет! Прошу всех в столовую!

Участники совета послушно двинулись к дверям.

— Что же вы шумите? — с укоризной произнесла графиня. — Лучше бы говорили о мире, нам мир нужен. Российским женщинам — от царствующей императрицы до простой деревенской бабы — всем нужен мир. Мир, иначе России конец. Впереди у нас светопреставление... Революция... Республика...

Уже успокоившегося Тимергалиева француз спросил, кто графиня по происхождению, из какой семьи. Тимергалиев, понизив голос, объяснил:

— Урождённая баронесса Вольф, приближённая фрейлина императрицы.

— Оля-ля! — понимающе кивнул француз.

Всё направились в столовую.

* * *

На вечернем заседании военного совета подробно обсуждали и разрабатывали план будущей большой операции. Вечернее совещание затянулось надолго. Конница Тимергалиева должна была прорвать турецкий фронт и соединиться с англичанами. Были определены коммуникации по флангам. Поскольку для осуществления плана всё ещё не хватало вооружения, определение окончательного срока наступления осталось за генштабом. Француз сказал:

— Если до весны наступление не начнётся, немцы могут начать наступление на Париж. Очень важно ускорить события.

С этим мнением всё согласились.

Тимергалиев нанёс на свою карту подробный план дислокации русских войск — размещение артиллерийских батарей, лагерей, командных пунктов. Он рассчитал силы, которыми располагает кавказский фронт. Нанёс на карту сведения о расположении французских войск, об иракском фронте англичан, изучив всё нюансы, не оставив без внимания ни одной подробности.

В конце совета командующий сказал:

Россией: надо решить задачу, которую поставил Пётр Великий и которая не выполнена доселе. Мы должны разрубить Турцию пополам, чтобы могли чувствовать себя великой державой. Немощное тело Османской империи должно быть убрано с дороги России, чтобы не мешала её расширению так, как она этого хочет. По договорённости с союзниками решено, что Турция будет поделена на части. К России как к наследнице Византии должны отойти Армения, Стамбул и проливы. Шестисотлетнее препирательство с турками за веру, за границы, подошло к своей последней черте. На нас возложена священная миссия освобождения великого храма святой Софии, осквернённого турками, восстановление на его куполе сброшенного креста. Я жду от вас беззаветного мужества и верности в выполнении этого священного исторического долга во имя нашей веры, Руси и императора! Да здравствует его Величество император! Да здравствует его героическое войско! Да вознесётся над Стамбулом русское знамя с двуглавым орлом! Пусть весь мир озарится сиянием креста над куполом святой Софии!

Русские дружно зааплодировали и закричали «Ура!». Казачий генерал прослезился. Эмоциональный француз присоединился к всеобщему ликованию:

— Вив ля Рус, вив ля имперер!

Лишь англичанин оставался невозмутимым. Тимергалиев вдруг почувствовал себя среди своих сослуживцев в одиночестве. Он впервые ясно осознал свою чужеродность, непохожесть на них. Он привык общаться с этими генералами и офицерами русской армии, но дружить с ними желания у него не было. Он сидел и думал о предстоящем наступлении. Вспомнив о своём обещании азербайджанскому доктору, подошёл к командующему и сказал:

— В местности, где расположилась моя часть, живут одни турки. Мужчины погибли, либо разбежались, женщины и дети голодают, подбираются возле казарм. Солдаты мои — туркмены, киргизы, кумыки. Они

быстро находят общий язык с местными и тяжело переживают, видя, как бесчеловечно обходятся с ними армянские бандиты и казаки. Недавно в одном ауле из-за детей произошла драка между солдатами и армянами. Пятнадцать армян было убито. Наших было ранено пять человек. Разрешите мне переселить женщин и детей в тыл...

Не дожидаясь конца речи, генерал сказал:

— Поступайте, как находите нужным. Даю вам полную свободу действий, — он посмотрел на часы, — мне пора. Графиня уже заждалась.

Показав на стоящего рядом секретаря, Тимергалиев сказал:

— Так я заберу из канцелярии нужные бумаги?

— Пожалуйста, пожалуйста.

Разыскав интенданта Оболенского, полковник взял его за пуговицу и, выразительно глядя ему в глаза (я, мол, знаю, чем ты тут занимаешься), сказал:

— Князь, вам ведь известно, в каком номере гостиницы я остановился?

Не так ли?

Оболенский всё понял и покраснел.

— Да, да, — сказал он с готовностью, радуясь, что полковник, видимо, не собирается подавать официальное донесение.

— Знаете ли, у меня здесь много дел, уже пора ехать к месту службы...

Окажите любезность, сделайте звонок по телефону.

— Да, пожалуйста, я в вашем распоряжении!

Полковник вынул записную книжку и объяснил, какие два дела необходимо уладить:

— В деле с батумским торговцем нет никакой политики, я осведомлялся. Это ложный донос завистников. Выполните просьбу моих близких знакомых, поспособствуйте освобождению, если не получится, то хотя бы смягчению условий содержания. Дело, видимо, касается денег. — Полковник вновь посмотрел князю в глаза.

— Я узнаю. Завтра же узнаю, сделаю, что смогу и сообщу вам, —

ответил тот.

Тимергалиев вышел на улицу. Ему внезапно стало весело и легко. Он чувствовал себя так, словно хорошо попарился в бане после трудного длительного пути, как будто с него сняли ужасное, несправедливое обвинение в суде. Казалось, он сбросил с себя груз прожитых лет и вновь стал юным идеалистом, готовым сражаться за свою мечту. Он почувствовал внезапную перемену своей жизни. Мирхайдар Тимергалиев вдруг понял, что нашёл место, которое должен занимать в этой жизни ...

Он дошёл до телеграфа и заполнил телеграфный бланк: «Срочно выезжай Тифлис тчк Нужные бумаги найдёшь у Ульмес оглы тчк Жду тчк». Отправив дочери телеграмму, полковник почувствовал освобождение. Всё! Решено! Сомнений более нет!

В гостиничном номере он обнаружил множество визиток, писем, газет, но читать ничего не стал — вытянулся на кровати, чтобы хорошенько всё обдумать, разобраться в своих чувствах и понять, что с ним произошло за этот длинный день. Он хотел ещё раз от начала до конца перебрать в уме все факты, все разговоры, все события и принятые решения, но, кроме последнего решения, голова отказывалась что-либо вспоминать.

Что ж, сегодня линия его жизни изменилась настолько круто, что пошла вспять, противоположно прежнему направлению. Он нашёл свой, собственный путь. Кончилось время раздумий и разговоров. Настало время действий. Мирхайдару казалось, что он родился заново. Таким счастливым он уже давно себя не чувствовал.

Весь следующий день полковник Тимергалиев посвятил беготне по канцеляриям и оформлению бумаг. Оформил официальное разрешение на перевозку турецких вдов и сирот по железной дороге, документы на доктора и его друзей, которые будут сопровождать сирот. Выправил пропуск в расположение передовых частей для дочери. Для солдат получил недостающую одежду и вооружение, проследил, чтобы всё было в целостности отправлено по железной дороге. Получил в армейской казне денежное

довольствие для себя и своих офицеров. Он взял в штабе самую подробную карту кавказского фронта, там же раздобыл последние разведанные о турецкой армии. Попрощался со штабным начальством, с каждым персонально, получил у них план наступления и секретный рапорт о численности войск. Вечером, усталый вернулся в номер и, позвонив Арслану Ульмес-оглы, пошёл прощаться с друзьями. Милое семейство приняло его по-прежнему радушно. Его благодарили за помощь арестантам и сиротам. Он и не заметил, как за окнами стемнело.

Мирхайдар поднялся, чтобы проститься, и сказал:

— Совсём забыл, у меня к вам есть просьба. Моя дочь выучилась на сестру милосердия. Через несколько дней прибудет в Тифлис, чтобы отсюда поехать ко мне. Я хотел бы оставить её бумаги у вас и попросить помочь ей. Она совсём ещё молодая, никакого жизненного опыта...

Асма-бике и её дочки бурно обрадовались и выразили желанье принять Сююмбике у себя. Они пообещали встретить её на вокзале.

Казалось, всё дела улажены, но Фариде вдруг сказала, зарумянившись от смущения:

— Возьмите и меня к себе в часть, полковник!

— Это же война, — сказал Мирхайдар, — неизвестно, что ждёт нас завтра. Девушкам там не место.

— Нет, нет, не слушайте её, — вмешалась Асма-бике, — она несерьёзно это говорит, минутное настроение.

— Я вполне серьёзно, полковник. Если вашей дочери туда можно, то можно и мне.

— И моей дочери нельзя. Но она вбила себе в голову: «Буду сестрой милосердия!». Уж лучше ей быть при мне, чем неизвестно где. Поэтому и забираю её к себе. Ведь не только для женщин, там и для мужчин хорошего мало. Всюду вокруг огонь и смерть.

Фарида повернулась к родителям:

— Позвольте мне поехать! Я долго там не пробуду, только взгляну и

вернусь! Полковник! Можно я приеду вместе с вашей дочерью?

У Тимергалиева даже испарина выступила на лбу.

— Я бы очень хотел видеть вас, такую воспитанную, образованную туташ, возле своей дочери. Но поймите же, если сегодня получим приказ, сразу же окажемся среди огня. Война не щадит ни женщин, ни детей. Нет у неё ни жалости ни милосердия, есть только кровь и смерть. Как же я могу позволить вам туда ехать?

— Не принимайте всерьёз, она несёт ерунду, — твердили Асма и Арслан на два голоса.

Но Фарида продолжала стоять на своём:

— Почему же вы разрешаете дочери и не разрешаете мне? Я тоже буду ухаживать за ранеными! Ведь у вас в армии есть тюрки?

— Будете делить раненых на тюрков и русских?

Девушка залилась краской, не зная, что ответить. Потом сказала:

— Я просто хотела сказать, что готова облегчать страдания своего народа — промывать раны, перевязывать.

— На войну берут только сестёр милосердия. В косынках с красным крестом. Ведь вы не сестра милосердия.

— Я стану ею!

Родители слушали дочь, не веря ушам своим.

— Как же вы, мусульманка, влюблённая в свой народ, будете ходить в платке с красным крестом? — сказал полковник, в надежде переубедить девушку, отговорить её от настойчивого желания. — К тому же нет у вас ни опыта, ни медицинских знаний.

Вмешался молчавший до этого Ибрагим:

— Нет, сестра, всё, что ты говоришь, несерьёзно. Народ ты любишь, но как же собираешься носить на себе символ, враждебный вере твоего народа? Красный он или чёрный, крест есть крест.

— Такова форма и к вере она отношения не имеет!

— Вы ошибаетесь, туташ. Человеку свойственно придумывать себе

оправдания, сворачивая на ложный путь, — продолжал полковник. — Разве я, вступая в русское войско, мог знать, что наступит день, когда мне придётся приказывать своему бойцу-татарину идти против наших братьев турок? Ты учишь своего солдата, руководишь им на трудном пути, ведь ему так нелегко среди русских. Учитывая это, пытаешься помочь ему. А когда надо вести его против своего же народа? Каково это? Кому хочется быть топорищем русского топора, который рубит головы твоих братьев? И вот настал чёрный день. Теперь я должен поднять на Ая-Софию сброшенный турками крест. Я должен сражаться с войском единственного в мире исламского государства. Сражаться с народом, подобным тому, из которого я сам. Теперь мне приказывают расчистить дорогу для креста, который понесут вслед за моим войском. Я, сын тюркского народа, который четыреста лет жертвует собой ради России, должен буду отнять у турецкого народа самую почитаемую святыню! Но почему?! — Взгляд полковника затуманился от невольных слёз. Голос дрожал. — А потому, что я не просто Мирхайдар Тимергалиев, а ещё и полковник русской армии.

Из глаз его катались слёзы. Он сидел, не зная, что ещё сказать. Всё вокруг, словно окаменев, растерянно смотрели на плачущего полковника. А он, словно ребёнок, продолжал молча лить слёзы. Родные Фариды осуждающе косились на неё, потрясённые внезапно обнаружившейся душевной драмой мужественного человека. Его страдание вызвало столь сильный ответный трепет в их сердцах, что такому состоянию трудно найти сравнение — разве что волнение уверовавших в Аллаха при чтении священного Корана. Асма-бике тихонько вышла и вернулась со стаканом воды. Тимергалиев обрёл самообладание и поднялся. С натянутым смешком сказал:

— Видно старость наступает, нервы пошаливают.

Он стал прощаться. Фариды виноватым голосом сказала:

— Уже уходите? А мы хотели сыграть для вас. Ещё не поздно, оставайтесь, Зайнаб споёт вам свои новые песни.

Всё принялись уговаривать его. Тимергалиеву самому не хотелось

покидать друзей в растрёпанных чувствах и он остался. Фарида села за фортепиано, Зайнаб запела. В этот раз инструмент играл особенно нежно и проникновенно. И в голосе Зайнаб звучали печальные ноты, словно слышался дальний плач.

Когда Тимергалиев пошёл в гостиницу, была уже глубокая ночь. Семья Арслана, проводив гостя, долго сидела в гостиной. Говорили о Тимергалиеве. Впечатления были разные, но в одном сошлись всё — чувство уважения к полковнику возросло. В Фариде внезапно девушка Фарида не могла уснуть до утра. В немолодом полковнике она вдруг обнаружила черты придуманного ею когда-то в детстве идеального тюркского героя. В сердце её родилась любовь, хотя она боялась признаться себе в этом.

Проснувшись, первое, о чём вспомнила Фарида, было её желание поехать на русско-турецкий фронт. Она хотя и знала, что может её там ждать, была знакома с судьбами русских сестёр милосердия, работавших на фронтах во время войны. Таинственная, непонятная сила влекла её туда, девушке казалось: на этом фронте должна решиться судьба всего тюркского мира, определиться будущее тюрков — быть им или не быть. Будут ли тюрки метаться между Россией, Китаем, арабами, персами, или же начнут строить собственный мир. И тогда армия, состоящая из сорока тюркских племён, положит начало этому новому миру, а полковник в русском мундире, Мирхайдар Тимергалиев, стоящий на защите высокого тюркского духа, станет его знаменем. Такие мысли мелькали в её голове. Она, дочь тюркского народа, должна быть там, считала Фарида, где решается его судьба. Какие бы препятствия не возникли на её пути, она обязана поступить так, как считает правильным! Однако возражения семьи и разговоры о том, что её движет желание помогать русским, обижали её и сбивали с толку. Ей хотелось пойти к полковнику и упросить его, но воспитание не позволяло ей решиться на такой шаг. Вторым желанием было попытаться всё же уговорить родителей, но она была уверена, что нарвётся на отказ. На секунду ей пришла в голову мысль попасть на фронт с помощью друзей, организовав, например,

кампанию под лозунгом «Помощь фронту». Однако ей хорошо было известно, что сознательная интеллигентная молодёжь настроена на бойкот войны. И чем больше думала она, как попасть на фронт, тем более непреодолимыми оказывались препятствия. Но упорный ум Фарида со всё возрастающим упрямством искал лазейку в этом лабиринте проблем.

В дверь позвонили. Фарида прислушалась, никто из домашних в прихожую не пошёл. «Куда всё делись, — подумала Фарида, — где мама? Куда исчезла прислуга?». Раздался второй звонок, на этот раз более настойчивый. «Видимо, дома никого нет», — решила Фарида и быстро пошла к двери. Пока она шла, раздался ещё один продолжительный звонок. Через глазок в двери она увидела почтальона и приоткрыла дверь. Почтальон протянул бумагу и сказал:

— Срочная телеграмма. Распишитесь.

Фарида расписалась и вскрыла конверт. «Раньше пятницы выехать не могу зпт жди тчк Здорова зпт скучаю зпт целую тчк Твоя дочь Сююм». Фарида прочитала телеграмму два раза, посмотрела на адрес на конверте. Телеграмма была адресована полковнику. Девушка смутилась, что вскрыла чужую телеграмму.

Фарида подбежала к телефону и попросила телефонистку соединить с гостиницей, название которой слышала в разговоре. Её соединили с третьего раза, к телефону подошёл какой-то армянин и начал задавать не совсем приличные вопросы. Фарида сердито прервала разговор и попросила ещё раз соединить с отелем. На этот раз ей ответили, что полковник Тимергалиев только что уехал на вокзал. Недолго думая, Фарида оделась и выбежала из дома. Она очень спешила, боясь опоздать. Мысль о том, правильно ли она поступает, не пришла ей в голову. Только прибежав на вокзал, она спохватилась: что полковник подумает о ней? Девушка стала высматривать Тимергалиева в многолюдной пёстрой толпе. Заглянула в буфет, выбежала на перрон, но его нигде не было. Хотела заглянуть в окна поезда, стоявшего у перрона, но пробиться к окнам сквозь толпу было невозможно. Вдруг в

одном из окон увидела знакомый силуэт. Силуэт исчез, но она всё же пробилась к окну и постучала. Выглянул какой-то торговец, посмотрел на неё и пропал. Потом выглянул молодой офицер, смеясь, сказал ей что-то через стекло и пригладил и усы.

— Полковник Тимергалиев! — закричала Фарида.

На этот раз в окне показался полковник. «Что случилось?! Неужто и в самом деле собралась на фронт?» — подумал он растерянно и вышел к ней из вагона. Быстро поздоровавшись, она сказала:

— Вот. Пришла телеграмма. Я подумала, что папе и вскрыла. Извините!

Тимергалиев обрадовался телеграмме.

— Спасибо! Большое спасибо! Простите за беспокойство!

— Вы не сердитесь на меня за вчерашнее? А я боялась встречи с вами... Простите! Я заставила вас волноваться!

— Да что вы! Спасибо вам! Большое спасибо! Вот дочь приезжает, а я уже не могу её дождаться. Вы уж встретьте её, пожалуйста! Знаете, я два года её не видел, не представляю, какой она стала. Училась в институте... Может быть, вы повлияете на неё. Пробудите в ней национальные чувства? Она ещё так молода. Не представляю, под влиянием каких людей она была... Я слишком долго служил русским. Хотелось бы, чтобы дочь не повторяла моих ошибок... И сын погиб по той же причине... Вот, если б она стала такой, как вы! — сказал он.

Фарида спросила:

— В таком случае, отчего же вы не хотите, чтобы я поехала с ней на фронт?

Полковник растерялся.

— Дело не в моём желании. Просто вам там не место. Вдруг попадёте под осколки разорвавшегося снаряда? А вдруг придётся отбивать штыковую атаку? И потом солдаты на войне становятся опасными. Война портит людей. Можно ждать любые неожиданности. Только поэтому. Других причин нет.

— Полковник, — воскликнула Фарида, — мне кажется, что сердце неспроста тянет меня туда! Я физически чувствую необходимость ехать с вами. И хочу этого! Внутренний голос настойчиво твердит мне: «Иди, Фарида! Иди!» Я глаз не сомкнула сегодня ночью, всё думала обо всём этом. Разрешите же мне! Пожалуйста! — Фарида схватила его за руку.

Какое-то внутреннее чутьё говорило Тимергалиеву, что эта юная девушка, с которой он познакомился случайно и так недавно, неким сверхъестественным образом почувствовала перемены, которые произошли с ним за последние дни. Интуитивно поняла его тайные планы. И именно они являются той скрытой пружиной, которая упорно побуждает её быть рядом с ним, участвовать в его планах... «Быть может, задуманное мною способно зажигать огонь в человеческих душах, вдохновлять? Что, если это — указание свыше на верность моего пути?» — думал он. Неожиданно полковник почувствовал радость оттого, что Фарида желает ехать с ним. Увидев перемену в его настроении, Фарида попросила ещё раз:

— Можно я поеду?

— В таком случае, только с согласия родителей. И если обещаете слушаться, — сказал полковник.

— Я обещаю! Обещаю! — закричала Фарида.

— Ещё одно условие. Если что-то будет угрожать вам, я тотчас отправлю вас назад. Без каких-либо возражений с вашей стороны.

— Возражений с моей стороны не будет.

Узнав, сколько времени осталось до отправления поезда, Тимергалиев прошёл в буфет и позвонил родителям Фариды. Если они согласны отпустить Фариду вместе с Сюзум, сказал полковник, всю ответственность он готов взять на себя. Обещал беречь девушку, и отправить домой, как только родители позовут. Потом он написал письмо начальнику штабной канцелярии с просьбой оформить для Фариды пропуск в часть Тимергалиева. Письмо положил в конверт и вручил Фариде, чтобы она передала отцу.

— Как только Сюзум приедет, пусть телеграфирует мне. Сообщите о

выезде. Сююм не должна задерживаться здесь, — сказал полковник.

Прозвонил железнодорожный колокол у выхода на перрон. Раздался гудок, поезд тронулся, увозя Тимергалиева на фронт. Полковник всю дорогу сосредоточенно молчал, обдумывая детали своих действий. Фарида пошла домой, также размышляя о предстоящей поездке. Мысли у них были разные, но мечты и желания удивительно совпадали. Оба были поглощены раздумьями о будущем тюркского народа.

* * *

По прибытии на фронт Тимергалиев продолжил реализацию своего плана. По его расчётам, главные события должны были наступить недели через две, а то и дней через двадцать. В этот срок необходимо было полностью подготовить переход полка на турецкую сторону. Действовать предстояло крайне осмотрительно, чтобы не вызвать подозрений ни у русских офицеров своего полка, ни у казачьих и добровольческих армянских частей, расположенных рядом. Полк предстояло переправить вместе с хозяйственной частью и вооружением. Принятый им план должен был спасти османскую армию от неминуемого разгрома. Полковник обдумал и подготовил всё. Секретные сведения о русской армии, собранные в Тифлисе, были важны. Войско своё он подготовил к немедленному выступлению. Необходимо было лишь дождаться Сююм.

Выполнение задуманного могло осложниться из-за прибытия комитета по эвакуации вдов и сирот из фронтовой полосы, а также из-за Фарида. Комитетчиков могли заподозрить в соучастии, что может вылиться в дальнейшем в беспощадный террор против кавказских мусульман. Под подозрение может попасть и семья Арслана. Необходимо было обезопасить эту замечательную семью во что бы то ни стало. Он пришёл к выводу, что отношения с эвакуационным комитетом ему необходимо прервать, а Фарида отправить обратно домой. Оставалось определиться с русскими офицерами полка. Он решил до последнего момента держать задуманное в тайне и под видом приказа, полученного из штаба, ночным маршем перейти на

территорию расположения турецких воинских соединений. Чтобы придать делу вид обычной военной операции, в день приезда он собрал у себя командиров, русских и тюрков. Поставив снаружи охрану и приказав сохранять секретность, он известил офицеров об ожидании приказа из штаба армии, после которого начнётся наступление. Он приказал находиться в постоянной готовности, потому как их полку предстоит первыми расцезь оборону противника. Для усыпления бдительности русских военных он рассказал о планирующемся наступлении на Стамбул. Сославшись на командова Мамае, полковник также добавил:

— Начальник штаба распорядился в кратчайшие сроки убрать с передовой гражданское население, эвакуировать в тыл женщин и детей. Для этой цели в зону боевых действий разрешён доступ эвакуационного комитета из числа местных мусульман. Наша задача — помочь действиям комитета. Фронт должен быть расчищен!

Одному русскому офицеру было поручено наладить с взаимодействием эвакуационным комитетом.

На другой день полковник послал депешу командиру армянской добровольческой части, стоящей на правом фланге, и казачьему полковнику, часть которого стояла на левом фланге, где приглашал их встретиться для обсуждения важных вопросов. Затем он пригласил к себе офицера по имени Ибрагим, бывшего учителя из казанских татар, и сказал:

— Вы хорошо знаете оба языка — русский и татарский. Вот здесь газета, которую мне дали в штабе, надо быстро перевести её. Если что-то будет непонятно, обращайтесь ко мне. Постарайтесь, чтобы об этом никто не знал.

Другому офицеру поручил приготовить место для дочери и Фариды. Потом сел приводить в порядок имеющиеся у него секретные сведения. Денщик сообщил о прибытии офицера. Тимергалиев убрал бумаги, сложил карты. Приняв строгий командирский вид, велел впустить офицера. В дверях появился перепуганный, бледный Ибрагим. Полковнику показалось, что у

него дрожали ноги. Прерывающимся голосом Ибрагим сказал, опустив глаза:

— Полковник, я не могу выполнить ваше поручение.

— Почему, почему? Вы же хорошо владеете языком, — Мирхайдар сделал вид, будто не понимает, в чём дело.

— Полковник, статья эта — обращение к нам, тюрко-татарским военным. Если она попадёт в штаб, написавший это, будет расстрелян... Я не могу выполнить такую работу, увольте полковник!

Мирхайдар рассмеялся:

— А статью вы читали?

— Читал и не один раз — трижды прочёл. Потому и пришёл к вам. Избавьте меня!

— Выходит, уничтожить единственное на свете тюркское государство ты не боишься? — Сказал полковник, продолжая улыбаться, — И водрузить крест на Айя-Софию у тебя силы есть, а сделать перевод статьи сил нет? Что происходит? Я не понимаю!

Кровь хлынула в лицо Ибрагима, он продолжал дрожать. Силился ответить и не находил слов. Потом выдавил из себя:

— Военная служба... Я присягу давал, не могу нарушить...

Мирхайдар снова рассмеялся.

— Ради расширения России, ради обогащения её ты готов уничтожить весь турецкий народ, Турцию, единственную силу, которая способна встать на защиту мусульманского мира? И всё ради присяги? Так, что ли? — Ибрагим опустил голову. — Значит, журналист правильно назвал тебя, меня и всех нас пособниками русских, рукоятями топора, который сечёт головы наших братьев. По-твоему, он — враг, раз выступает против? А ты клятву дал и должен предать этого человека суду! Ты понимаешь, если статью прочтут наши солдаты, они могут отказаться поднимать крест над Айя-Софией? А нам приказано делать это. Я полковник, а ты офицер! — сказал он, глядя Ибрагиму в глаза. Тот дрожал, из глаз его лились слёзы:

— Не смогу полковник, судите меня!..

Мирхайдар встал, подошёл к Ибрагиму, положил руку ему на плечо, заглянул в глаза:

— Вижу, есть ещё у тебя национальная совесть. Не преврПапался в русского холуя, не желаешь быть вторым шахгали. Так вот, представь себе, что я не полковник, а такой же как ты, тюркский офицер, на которого возложена задача уничтожить независимую Турцию. И я, обращаясь к твоей, не совсём ещё загубленной совести, спрашиваю: ты, я, другие — должны ли мы противиться как-то? Или, подчиняясь присяге, нужно пойти и затолкать остатки турецкого народа под русский сапог? А может, как пишет журналист, нам всё же не стоит быть пособниками русских?

Ибрагим ошалело смотрел на своего командира и молчал. Потом заговорил:

— Не знаю, полковник, мне очень тяжело. Отец был муллой. Мы любили турков, народ верил, что только Турция может спасти нас. А теперь я с ума схожу оттого, что мне вместе с другими приходится убивать их. Что делать, не знаю. Мы бессильны. Нет у нас сплоченности, нет организации.

— А вот армяне хнычут, действуют, как находят нужным. Кто открыл дорогу русским на Эрзерум, Трабзон? Разве не армяне? Мы — азербайджанцы, дагестанцы, кумыки, туркестанцы, жители Идели и Урала — не можем позволить себе такого. Почему же мы, ты и я, не способны на решительные шаги?

— Скажу вам правду, полковник: я бежать собирался. Но ведь у нас родина есть. Сбегу я, сбегут другие, что будет с ней? Русские же от неё камня на камне не оставят – мало не покажется! Оставшиеся в живых?

— А что, в Турции разве мало армян? Сладко ли им живётся? Мало ли страдают? Но армян это не останавливает. Они способны на всё. Нет, милый мой, слаба твоя национальная совесть. А вот у армян она сильна!.. Не созрела ещё твоя голова для подобных размышлений. Ладно, иди! Только смотри, не проболтайся о том, что слышал! Русские и армяне ничего не должны заподозрить. Нужен будешь, — вызову. Пошли ко мне полкового муллу.

Ибрагим не сдвинулся с места. Он словно окаменел.

— Полковник, измучился я, брежу ночами. Убитые турки снятся. Они душат меня, хотят убить... Я не выдержу этого! Помогите мне!

— А ещё есть такие офицеры, тюрки-мусульмане, которые мучаются как ты?

— Есть. Кумык Арслан, туркмен Какаджан, капитан дагестанец — сын хаджи, и ещё много унтеров. Всё страдают!

Мирхайдар повернулся на каблуке к Ибрагиму и сказал:

— Сейчас выйдешь отсюда, ступай прямо к офицерам и унтерам. Собери тех, кому доверяешь, кто способен мозгами шевелить, и прочитай им эту статью да так, чтобы никто не видел и не слышал вас. Растолкуй им суть, только не говори, что газету дал тебе я. После расскажешь, как слушали.

Ибрагим ушёл, полковник продолжал систематизировать секретные материалы. Он перенёс теперешнее расположение русских войск на другую бумагу. Принялся разрабатывать цели и пути предстоящего наступления. Работал до глубокой ночи. Почувствовав усталость, взглянул на часы и стал готовиться ко сну. По привычке вышел подышать воздухом. Прошёлся по территории, занятой его войском. В одном доме, где жили тюрки, увидел огонь и осторожно пошёл туда. Остановился под маленьким окном. Всмотревшись, различил человек десять — пятнадцать. Они о чём-то говорили, спорили. Подобравшись ближе, разглядел Ибрагима, несколько офицеров, муллу, унтеров. Там обсуждали газетную статью. Всё были крайне возбуждены: полковник видел, как покраснелись их лица, горели глаза.

Он долго слушал, хотел даже войти, но передумал. Успокоившись, повернул назад.

* * *

На другой день утром полковник Тимергалиев, отправился на службу: осмотрел войско, лошадей, побывал в канцелярии, госпитале. Он сообщил докторам, что скоро придут ещё две сестры милосердия, узнал, как чувствуют себя больные. Вернувшись, написал ответы на поступившие

бумаги — словом, делал повседневную работу и следил за тем, чтобы другие тоже были при деле. Был, как всегда, требовательным командиром. С Ибрагимом при встрече держался так, словно между ними ничего не было. Он делал всё, чтобы поддержать обращавшихся к нему членов мусульманского комитета по спасению сирот, но отношение к ним было строго официальное. Перед возвращением к себе полковник приказал Ибрагиму явиться после обеда в три, чтобы узнать реакцию офицеров на статью. На четыре встреча была назначена мулле, а на пять — членам комитета.

Запершись у себя, полковник принялся чертить карту Кавказского фронта, указывая местоположение русских войск. Сначала он собирался сделать небольшие карты для штабных офицеров, но поскольку мелких, но важных деталей было много и уместить их оказалось невозможно, он перешёл на крупный масштаб.

Было неизвестно, кто будет пользоваться картой, поэтому готовил всё так, чтобы каждый турецкий офицер мог разобраться в ней.

Фронт был широк, план наступления очень сложен, поэтому понадобилось много времени, чтобы перенести на карту всё подробности. Сведения были разнообразны, поэтому обозначить всё так, чтобы было понятно рядовому офицеру, оказалось непросто, пришлось порядком поломать голову. Полковник использовал всё свои познания, накопленные за двадцать восемь лет службы в русских войсках. До сих пор он не осознавал своей позорной роли «топорища в русском топоре», но теперь был уверен, что только так сможет исполнить свой долг перед всё тюркским миром.

Хотя время давно перешло за три и Ибрагим ждал, он не открывал дверь, хотел завершить начатую работу. Приказав денщику приготовить чай, позвал Ибрагима, а денщика отправил к мулле сказать, чтобы тот явился через полчаса. Оставшись наедине с Ибрагимом, стал слушать его. Оказалось, что часть тюрков тяжело переживает войну с родственным народом, мучается угрызениями совести. Каждый пытается найти для себя какой-то выход.

— После беседы, которую вы провели, вернувшись из штаба, — сказал Ибрагим, — они всё потеряли покой. Одни говорят: надо бежать к туркам, как только начнётся наступление, другие считают, что уходить по одному надо уже теперь. В частях тоже зреет беспокойство. Есть там казанский учитель Вахит Фахретдин. Солдаты уважают его, потому что он помогает писать им письма домой. Похоже, он тоже замышляет что-то. Вот такие дела.

— Среди солдат есть такие, кто пишет доносы в штаб и докладывает русским офицерам? — спросил полковник.

— По-моему такой есть. Похоже, это башкирский прапорщик, прибывший недавно. Дружен с сестрой милосердия Королёвой. Она из семьи разорившегося аристократа в Петербурге. Русская до мозга костей. Есть ещё молодежь – денщики русских офицеров. Эти не так опасны, только болтливы по глупости.

— А в частях ко мне как относятся?

— Офицеры доверяют. Но большинство считает, что план наступления на себя не возьмёте, любыми способами постараетесь перевести части куда-нибудь подальше от центра. Последнее распоряжение их очень удивило.

— Сказывается всё та же пассивность...

— А что делать, полковник! Дружбы в войсках нет, вполне возможны серьёзные потасовки.

Полковник задумался.

— А как капитан Фахрельисламов? Что говорит он?

Вопрос насторожил Ибрагима: откуда полковнику известно, что он бывает у капитана? «Видно, есть у него и другие осведомители», — мелькнуло в голове. Хотя он давал слово не говорить полковнику о том, что приятель недолюбливает его, всё же скрывать не стал:

— Он очень религиозный, — сказал Ибрагим в конце, — даже здесь, на фронте, читает намаз и соблюдает посты. Говорит: «Не могу я в войне с турками принять смерть без отпущения грехов».

Полковник дал Ибрагиму новые задания: продолжать говорить с людь-

ми, узнать, что думает полковой мулла. Проводив Ибрагима, стал обдумывать предстоящий разговор с муллой.

Полковой мулла не был похож на тех мулл, которых Тимергалиев знал раньше. Все они были из прежних унтеров и привычно брали под козырёк: «Будет сделано!». Этот молодой человек был потомственным муллой, интересовался литературой, наукой, собирал среди солдат народные песни, сказки, с офицерами держался независимо, называя себя «начальникам веры». В разговоре довольно находчив, нетороплив, трусоват и хитроват, но в нужные моменты умел говорить так, что офицеры и солдаты слушали его со вниманием. По поводу войны и армии не высказывался – увиливал, оправдываясь: мы, мол, клятву давали. Тимергалиев относился к нему с уважением, а потому мулла не упускал случая в присутствии русских офицеров подчеркнуть своё особое отношение к полковнику. Мулла увлекался торговлей, порою, когда его никто не видел, любил заложить за воротник и не прочь был пококетничать с женщинами. За счёт полка он выписывал из Казани, Уфы, Оренбурга, Москвы, Бахчисарая, Баку газеты и книги: пытался организовать маленькую полковую библиотеку. По вопросам, касающимся религии и национальных нужд, то и дело обращался в канцелярию. Ценил точность в расчётах и, если что не так, не стеснялся беспокоить полковника.

Вот с таким человеком, верным своему народу мусульманином, предстояло говорить Тимергалиеву, то есть убедиться в его равнодушном отношении ко всем тюркам, а не только к татарам.

Увидев в дверях муллу, полковник, как всегда, пошёл к нему навстречу, с уважением называя его «хазратом». Поинтересовался, насколько религиозны солдаты, не нужно ли чего больным и всё ли есть для похорон умерших. Тимергалиев рассказал мулле о литературном вечере в Тбилиси, сообщил о приезде двух сестёр милосердия – своей дочери и ещё одной татарской девушки. Упомянув о военном совете, пояснил, как развиваются события, что творят при штабе армянские торгаши, пересказал претензии

английского полковника и приказ начальника штаба. В конце сказал:

— Ну вот, я, мусульманин, тюрк, офицер, по прихоти истории оказавшийся в этой войне на стороне русских! Хочу спросить вас, хазрат, а вы откровенно, как велит вам совесть, ответьте мне. Положим, я для вас теперь не полковник, а русский солдат. И вот страна, в которой моя вера является главной, начал крестовый поход против халифата. Цель: уничтожение Турции, мусульманского центра, захват Стамбула, раздел страны и превращение её в подобие Армении, в российскую губернию. Ведь вы, верный сын татарского народа, не верите, что татары в одиночку смогут справиться со своими политическими и культурными задачами, что семимиллионный народ — островок посреди русского моря — сможет самостоятельно защитить свою самобытную культуру, создать своё государство? Всё это вы не представляете себе в отрыве от остального тюркского мира. Для вас он, как чётки, состоит из отдельных связанных между собой косточек. Предположим, что главная, самая крупная косточка, которую мы называем «бисмиллой» — это Турция.

Мулла сидел молча, а полковник продолжал:

— Да, так оно и есть. А теперь враги собираются порвать эту связующую нить, раздавить «бисмиллу», рассыпать косточки, лишив их взаимной поддержки. И трудная задача эта возложена на нас. Это мы не сегодня так завтра должны будем уничтожить турецкую армию, перерезать турков и расчистить дорогу для идущей за нами русской армии. Таков приказ штаба. И что же теперь мне, Мирхайдару сыну Батыргерея Тимергалиеву, считающему себя тюрком, поборником ислама, следует выполнить такой приказ?! И как такой мой поступок будет расценен с точки зрения религии? Мне же отведена роль предателя, мерзавца Шахгали!..

Полковник тяжело вздохнул.

Мулла никак не ожидал, что услышит от Тимергалиева такое, он оторопел и с перепугу не мог вымолвить ни слова. Хотел было отвертеться, но видя, как страдает полковник, сколько боли в его глазах, понимая, что

слова эти вскипели в глубине о души полковника, передумал и попытался найти в себе силы высказать, что думает. Вспомнил предков, которые триста лет храбро оберегали нацию от русского насилия. Дед его и отец в подобных случаях умели решительно сказать правду.

Мулла поднял глаза:

— Да, полковник, как мусульманин, как мулла скажу вам: закон шариата считает это величайшим грехом, которому нет прощения, да убережёт вас Аллах! И с точки зрения нации это, безусловно, — предательство. Измена родине, народу! Это противоречит главной сути нашей жизни.

Мулла сказал и сник, словно испугавшись собственных слов.

— Так что же мне делать? Посоветуйте.

— Вам надо было как-то уклониться от столь опасного задания. Может, после всё как-то разрешилось бы само собой. Ведь русские могут и не победить...

— Этого я не мог сделать, — сказал полковник. — Теперь-то как быть?

— Прикиньтесь больным!.. Подайте в отставку.

Полковник засмеялся:

— А с войском что будет? Под командой какого-нибудь Иванова, Петрова, Назаряна пойдут на турецкую землю и разнесут её в пух и прах? Так, что ли? И ради этого я не сплю ночи напролёт?! Подскажите мне другой выход!

Мулла растерянно смотрел на полковника. Тот встал и принялся вышагивать из угла в угол.

— Вот что, мулла, — сказал он, — попробую-ка я тоже стать муллой. Вам, мне, всем здешним офицерам-татарам вместе с войском, прихватив с собой оружие, всё хозяйство, секретные планы, нужно перейти на сторону Турции. Только так мы уберём Турцию от разгрома, а себя и народ наш от позора и гибели. Если вы и в самом деле истинный мусульманин и настоящий тюрк, то пойдёте со мной.

Не на шутку перетрусивший мулла вовсе лишился дара речи. В ответ

он пробормотал что-то невнятное.

— Ну, вижу, у муллы от страха душа в пятки ушла, — засмеялся полковник, — Сейчас не время раскисать. Надо решаться: либо мы обрушим русский топор на голову турок, либо воспользуемся им для защиты единственного независимого тюркского государства и повернём против России. Другого пути нет!

Мулла согласился с этим. Тимергалиев объяснил, что следует делать: надо потихоньку готовить людей, начиная с наиболее сознательных. Осталась неделя — дней десять. В течение этого времени нужно устроить какой-нибудь священный праздник, чтобы пробудить в людях религиозный дух.

Мулла обещал подумать и удалился, дав слово хранить тайну.

Встретившись с членами комитета по спасению сирот, полковник потребовал, чтобы с помощью русских офицеров они живо управились со своими делами и исчезли как можно скорей. «Оставаться на прифронтовой линии опасно», — сказал он. Сообщил, что сегодня же передаст их командоваемаю соседнего фронта, где они смогут продолжить свои дела.

— Не обижайтесь, — добавил он на прощание, — я вынужден убрать вас со своей территории: если русские и армяне узнают, что вы связаны со мной, могут возникнуть интриги. Это повредит и вам, и нам.

Старый доктор быстро сообразил, что к чему, тогда как молодежь была недовольна. Полковник догадывался, что молодые станут бранить его при встрече с русскими офицерами, и был рад этому. Наивность их была ему на руку. Перед выходом он задержал доктора.

— Чем больше будете наговаривать на меня русским и армянам, тем лучше. Это пойдёт только на пользу делу, — сказал он и пригласил весь комитет вечером в офицерский клуб на ужин, который будет устроен в их честь.

* * *

Прибывших к вечеру командиров казачьего войска и армянской

добровольческой армии полковник Тимергалиев встретил торжественно, при полной экипировке, со всеми медалями, полученными в японскую войну. Он приколот на грудь также пожалованный императрицей в годы кавалерийской юности в Крыму знак в виде золотого орла с алмазом, французский «Орден Почетного Легиона», которым был награждён за отвагу во время японской войны, непомерной величины, золотую, усыпанную драгоценными камнями медаль – награду бухарского эмира.

Он был радушен, не теряя, однако, чувства собственно достоинства. После коротких приветствий сразу же приступил к делу. Сначала разъяснил принятый штабом план наступления. В конце добавил, что ему, Мирхайдару Тимергалиеву с его сборной армией, предстоит возглавить операцию по расколу турецкого фронта. Учитывая опыт и заслуги, командование предоставило ему большие полномочия. Соседи — казачьи конные войска и армянская пехота с конницей – должны будут в нужное время оказывать ему поддержку. Сказал, что не сегодня так завтра для выполнения этого важнейшего государственно задания из штаба поступит приказ и что войско его может выступать в любую минуту. Соседям тоже необходимо быть готовыми к любому неожиданному приказу. Говоря, что это одно из строгих требований штаба, полковник привязал сюда необходимость очистить фронт на всём его протяжении от турецких женщин и детей. Это, якобы, нужно для того, чтобы военная тайна не стала достоянием турков. Штаб счёл возможным предоставить свободу действий даже мусульманскому комитету, потому что его работа ускорит выполнение задания. «Вывод турецких женщин и детей — дело государственной важности», — сказал он. Хотя полковник говорил всё это дружеским тоном, не забыл, однако, подчеркнуть, что распоряжение штаба является военной тайной.

В долгой беседе полковник узнал о соседних войсках всё, что ему было нужно. Он обещал тотчас сообщить о поступлении приказа и просил их привести свои войска в полную боевую готовность.

Тимергалиев боялся не простоватого казачьего полковника Комаренко, а командира добровольческой армянской армии Бастырмазяна, и делал всё, чтобы не вызвать у него подозрения. Ему хотелось произвести на армянина, которого впервые видел вблизи, впечатление истинного монархиста, человека полностью обрусевшего. Он вспоминал о своей доблести, проявленной в японскую войну, и рассказывал, как сурово обращался с населением Туркестана, хотя этого в действительности не было.

Во время ужина в офицерском клубе он на правах хозяина застолья провозгласил первый тост за здоровье Его императорского величества, за русскую армию, за победу русского оружия. Своего доверчивого черкесского офицера, большого любителя выпить, он подговорил накачать армянина так, чтобы тот лыка не вязал. Ибрагиму поручил следить за гостями и доложить обо всех их откровениях с русскими офицерами и их женщинами. Пляски, пьянка продолжались до самого утра. Соседей ни на минуту не оставляли без внимания, усилено потчевали вином, водкой и на рассвете проводили. Полковник был доволен: казалось, он сделал ещё один широкий шаг к цели. Обдумывая добытые сведения, он отправился к себе.

Утром, едва пробудившись ото сна, полковник услышал стук в дверь. Это был капитан Фахрельсламов при полном параде, чем не мало удивил командира. После формального, положенного по уставу приветствия он подал заявление и вытянулся, ожидая решения. В заявлении капитан просил отпустить его на две недели по причине болезни. Заявление было заверено врачом, который строжайше запрещал ему оставаться в строю.

Тимергалиев долгим взглядом посмотрел Фахрельсламову в глаза. Во взгляде капитана он увидел страдания и отчуждение. Полковник, желая разрядить напряжение, заговорил по-татарски, но Фахрельсламов отвечал по-русски, желая этим как бы сказать: «Между нами нет ничего общего. Нас связывает лишь служба в русской армии». Мирхайдар был уязвлён, но, зная Фахрельсламова много лет, понимая, что к такому решению его подтолкнули новости, которые Мирхайдар сам принёс из штаба, и вчерашняя

его беседа. Это было выражением протеста, который переполнил сердце мусульманина. Полковник решил единым духом вскрыть этот нарыв души.

— Знаю, вы совершенно здоровы и не хотите быть здесь только из-за предстоящего наступления, — сказал он. — Такой выход подсказывает вам ваша совесть. Ну что ж, бегите, я разрешаю. — Он взял заявление и подписал.

Капитан, не ожидавший, что всё получится так просто, опешил. Он хотел выйти, но что-то держало его. Фахрельисламов стоял, замерев, не в силах вымолвить ни слова. Воспользовавшись его состоянием, Тимергалиев сказал:

— Вот ведь как, офицерская честь позволила вам взять у доктора справку и, пользуясь моим добрым отношением, бежать оттуда, где братья готовы схватиться в смертельной битве. Так вы хотите уберечь вашу совесть от великого греха. На кого же вы собираетесь кинуть людей, которые зависят от вас, — солдат ваших? Думаете, среди них нет таких же убеждённых мусульман, нет джигитов, сердцем преданных тюркам? Или считаете, будет правильно, когда не вы, а другие станут губить единственную в мире независимую страну тюрков? Ваш поступок на языке военных называется трусостью, и сравним с поведением солдата, который, желая остаться в живых, стреляет себе в руку. И вам кажется, что вы решились на это ради своей совести, ради веры!

— Полковник!.. — Фахрельисламов хотел ответить, но Тимергалиев, не слушая его, продолжал:

— Сейчас, когда весь тюркский мир – богатые и бедные – поднялся на бой, чтобы отстоять себя, один офицер-тюрк, истый мусульманин, уподобился страусу, который при виде врага прячет голову в песок и думает, что опасности нет. Так? Вы не думаете, что когда уйдёте вы, на ваше место придёт капитан Петров или Иванов и поведёт тысячи обученных вами солдат, сыновей тюрков-татар, разрушать последнюю на земле тюркскую крепость? Нет, капитан, теперь не время прятаться за хитрости. Тут выбирай одно из двух: либо тюрки, либо русские! Другого выхода нет!

Фахрелисламову было не по себе: лицо его залило краской. А Тимергалиев продолжал:

— Вот и я двадцать восемь лет служу в русских войсках, думая, что национальности у нас разные, но родина одна. А теперь вижу: служба идёт лишь на пользу русским. Я много думал и прозрел наконец. Всё сводится к тому, чтобы позорить мой народ, мою нацию, обращать нас в рабство. Сейчас мы стали орудием, которым уничтожат последнее тюркское государство... Я это понял! Что ж, лучше поздно, чем никогда. На военном совете осознал окончательно, что я – ничто, игрушка в руках русских. И решил: всё, что накоплено для уничтожения турков, обрушу на голову самих русских! Я сам напросился первым ступить в бой, якобы для раскола фронта, но сделаю то, что задумал. Тебя в это время, как оказалось, не будет рядом. Что ж, давай, беги! Думаю, не выдашь меня. Я верю в твою порядочность. Ведь тайна эта не только моя, но и девятитысячного полка. Прощай, капитан!

— сказал он и отвернулся.

Фахрелисламов упал на колени:

— Мирхайдар, Мирхайдар, я забираю своё заявление назад, остаюсь! Я же ничего не знал... После вчерашнего я не мог уснуть, совесть не давала забыться. Только по этой причине решился! Приказывай, я готов на всё!

Тимергалиев помог ему подняться.

Тут вбежал взмокший Ибрагим.

— Полковник, пропали мы! Сегодня ночью двадцать солдат во главе с полковым писарем Вахитом Фахретдиновым бежали к туркам. Наши погрМамачники поймали их и сообщили по телефону из лесного лагеря...

Полковник и капитан замерли на месте. Потом Тимергалиев проговорил, как бы продолжая сказанное раньше:

— Да, у этих совесть оказалась в порядке. Но об этом надо молчать. Если в штабе узнают, что тут у нас происходит, нас всех уберут с передовой. Ты, капитан, сейчас иди туда и без шума уладь это дело. Если надо, возьми с собой муллу. Постарайся убедить, будто то была тайная разведывательная

операция. Наши русские ничего не должны знать, а если и прослышат что-то, слух ни в коем случае не должен дойти до армян!..

Тимергалиев понял: всё! Времени у него больше нет. Действовать надо без промедления, но Сююм задерживается, карты не готовы, тайные связи не налажены. Всё это связывало его по рукам. А теперь ещё надо как-то замести следы беглецов.

Мулла пришёл рассказать о том, что задумал празднование священного месяца мауледа. Полковник согласился с ним и велел привести мечеть в порядок. К ремонту позволил привлечь несколько добровольцев из солдат.

Фахрелисламов отлично справился с заданием. Беглецов отпустили, узнав, что задержаны они ошибочно, и всё двадцать парней вернулись в казармы. Солдатам стало известно, что офицеры утаили побег и поэтому наказания не было. Уважение к Тимергалиеву возросло. Вера в него, пошатнувшаяся было в последнее время, снова окрепла. Чутьё подсказывало солдатам, что полковник не поведёт людей в огонь, заведомо зная, что там их ждёт гибель.

* * *

Вскоре прибыли Сююм с Фаридой. Сююм ехала, чтобы оказывать помощь солдатам, которые были для неё героями отечества, тогда как Фарида считала своим долгом облегчать участь раненых сыновей тюрков. Обе были готовы трудиться, не щадя себя. Они суетились, пропадали в госпитале, не отходили от больных. Девушки побывали в лагере, спускались даже в окопы, всюду пытаясь чем-то помочь солдатам. По просьбе ребят они писали письма, вслух читали им книги. Благодаря им за считанные дни жизнь в полку преобразилась. Вначале солдаты смотрели на девушек со снисходительной улыбкой и делали вид, будто уважают: а как иначе ведь одна из них – дочь полковника, другая — её подруга. Но видя, как девушки стараются, хлопочут без устали целыми днями, солдаты стали относиться к ним серьёзно и даже полюбили их. Вскоре они уже по-свойски разговаривали, шутили и балагурили. Научились даже улаживать через них

свои дела с командиром. Особенно нравилось им слушать музыку и петь хором татарские, туркменские, азербайджанские песни. Словом, жизнь в полку закипела. К предстоящему празднику готовили литературный вечер.

Не радовался один только Тимергалиев. Всё это мешало ему осуществлять свой план. Фарида, казалось, согласна на всю жизнь остаться в полку и уезжать не собирается. Полковник делал ей намёки, но она не понимала их и продолжала заниматься своими делами. Хотя Арслан Ульмес писал ему: «Мы нисколько не беспокоимся за дочь, зная, что она в надёжных руках. Рядом с вашей дочерью ей будет хорошо.», полковник очень опасался, как бы дело, которое он затевает, не повредило в будущем Фариде и её семье. Вот почему он собирался отправить девушку домой сразу же после праздника.

Вот и праздник настал. Большая часть русских офицеров отпросилась и ушла в соседний полк. Оставшиеся русские, калмыки и люди прочих национальностей празднику были рады. Мусульмане, приняв омовение, отправились в обновлённую мечеть. Полковник пошёл с ними, приказав всем офицерам-мусульманам присутствовать. Шесть тысяч верующих вместе творили намаз и полковник в том числе. Потом он слушал долгое наставление муллы. И обед, приготовленный в честь праздника, ел вместе со всеми. Вечером пошёл на концерт. Смотрел и слушал выступления Фариды, Сююм, солдат, которые исполняли свои национальные песни и пляски. Фарида с солдатами исполнила лезгинку, а Сююм с одним из офицеров танцевала пляску крымских татар кайтарму. Он видел, как преображаются солдаты, как раскрывается их национальная суть, и это навело его на мысль: может, прямо сейчас надо приказать войску построиться и объявить, что уходим к туркам. Но для этого у него ещё не всё готово.

Наблюдая, с каким почтением относятся солдаты к Фариде, он испугался. Вдруг эта девушка, ничего не зная о намерениях, выкинет что-нибудь такое, что помешает ему осуществить задуманное? Нет, решил он, надо её отослать, пока не поздно.

* * *

Через два дня полковник завершил свои дела. Наиболее важные секретные сведения он приготовил в трёх экземплярах. У секретного плана так же был дубликат. Своё войско он представил в нём в виде пирамиды: во главе был полковник, потом комитет из четырёх офицеров, ниже – комитет из семи унтер-офицеров, а ещё ниже – комитет из семи солдат. Благодаря этой системе армия легко поднималась по приказу и готова была действовать дальше.

План перехода был согласован с офицерами. Всё было просто: за два-три дня турецкому командованию будет отправлено сообщение. Как только оттуда поступит ответ, к полковнику из штаба, якобы, придёт курьер с приказом о наступлении, после чего он поведёт армию по заранее продуманному пути. Приблизившись к турецкому фронту, члены комитета арестуют русских офицеров. Полк, подняв белый флаг, под музыку «Марша Тамерлана» присоединится к турецкой армии и передаст ей оружие. Понятно, что после того, как будут выданы все важные тайны противной стороны, планы союзных войск так же окажутся пустой затеей. Турция таким образом будет спасена. А потом Мирхайдар намерен убедить её командование не проливать напрасно тюркскую кровь, защищая ненужные арабские земли, а повернуть оружие в сторону исконных земель тюрков – Кавказа, Туркестана, Поволжья, Каспия — и освободить их. Этому он готов был посвятить себя целиком, отдать все свои знания, умения, опыт.

Сознательные офицеры, узнав о его замыслах, стали одержимы идеей и для скорейшего воплощения её в жизнь готовы на всё. Они боялись, как бы тайна не обнаружилась раньше, чем дело будет сделано, а потому торопили его.

После долгого совещания решено было предпринять пробный маневр под видом обычного смотра войск. Членам комитета полковник велел позаботиться о предосторожности и расставить активные силы в местах, предусмотренных планом. Когда всё было готово, он пошёл проверять и остался доволен. Офицеры были на местах, унтеры заняты своим делом,

войска оказались в нужном месте. Достаточно было малейшего приказного жеста, чтобы всё мгновенно пришло в движение, вспыхнуло, как порох.

Неожиданно увидев в одном из отделений Фариду, полковник не поверил своим глазам и очень расстроился. Он во всём винил себя: как такое можно было допустить. Подумал о семье девушки. Что будет с ними? Он не может, не имеет права подвергать их опасности.

Быстро собрав тайный совет, полковник заявил, что девушке в войске не место, и он намерен отправить её домой. Офицеры объяснили, что в том отделении и офицеры, и унтеры русские, поэтому командиром пришлось назначить Фариду, что она выбрана ими единогласно. У солдат её отстранение тоже вызовет непонимание, сказали они. Выслушав всё это, полковник решил, что займётся вопросом сам.

В тот же день за линию фронта были отправлены три человека во главе с Вахитом. Им было приказано: как только план будет принят турками, они должны сообщить об этом одиночным пушечным выстрелом. С этой стороны три пушечных выстрела будут означать: «ждём!»; пять выстрелов: «очень ждём!»; семь выстрелов: «ждать больше не можем!». Дело должно быть улажено в течении трёх дней. Получив наставления, группа ушла.

Полковник не хотел посвящать дочь в свои планы, поэтому вызвал Фариду одну. Ожидая её, занялся своими делами. Она пришла глубокой ночью. Вид у девушки был очень усталый. Она села, не дожидаясь приглашения. Обменявшись для начала незначительными фразами, полковник сказал:

— Помните, Фрида туташ, в Тифлисе мы с вами договорились, что вы уедете тотчас, как я скажу вам об этом? Вы обещали. Так вот, это время пришло. Завтра вы должны уехать, иначе семью вашу ожидает большое несчастье. Я буду чувствовать себя виноватым перед вашими родителями. Уж вы уезжайте, пожалуйста, прошу вас! А людям, чтобы не заподозрили чего, скажите, что вас вызывают телеграммой.

Фарида слушала с таким видом, словно ей повторяли истину, давно

набившую оскомину. Вначале она хотела как-то замять разговор, но видя, что полковник настроен очень серьезно, сказала:

— Не могу уехать сейчас, полковник. Сами знаете, я связана долгом. Перед вами не просто дочь Арслана, а командир четвертого отделения. Сейчас, когда мы стоим перед важным для нашей нации событием, никак не могу нарушить свой долг...

Полковник покраснел, не зная, что ответить на столь серьёзное возражение.

— А что же семья? — проговорил он.

Фарида помолчала.

— Да, семью жалко, вполне возможно, им придётся пережить серьёзные трудности. Но ведь то, что задумано, делается во имя избавления от рабства, чтобы не быть игрушкой в руках русских. Мои родные поймут это и простят. Праздника без жертвы не бывает, полковник... Раз уж мы собираемся устроить для тюрков великий праздник, без жертвы не обойдётся. Так пусть моя семья станет жертвой, она вполне созрела для этого... Семья Арслана пострадает ради блага всех тюрков! А если погибнуть придётся мне, я буду только рада. Я не уеду, полковник! — решительно заключила она.

Тимергалиев глубоко задумался, закусив губу. Видя это, она добавила:

— Поймите же меня, не могу я уехать. Если уеду, для меня это будет позором на всю жизнь. Честь моя будет погублена до конца дней моих. Не вспоминайте былых обещаний, полковник, уехать я не могу. Я ведь ещё в Тифлисе почувствовала, что у вас есть какой-то замысел. Вот почему я так настойчиво рвалась сюда. А здесь я приступила к созданию собственного плана. В то время, когда офицеры только познакомились с вашим планом, у меня уже был свой, готовый. Если бы вы не были столь строги ко мне, я показала бы его вам. Меня ведь неспроста произвели в командиры. Хотя заслуги мои и невелики, я хочу стать вашей соратницей... Ведь это, полковник, лишь первые наши шаги, не так ли? Мы ещё вернёмся сюда и развернём наши тюркские знамёна над Ереваном, Тифлисом, Баку, над всё

Кавказом. Только есть к вам одно условие: возглавлять это дело должны вы и только вы. Другого такого человека, как вы, у нас нет. Беречь вас — это наш национальный долг. Я тоже хочу участвовать в этом. Я нужна.

Помолчав немного, сказала:

— Полковник, я, похоже преврПапалась в тропу, по которой солдаты приходят к пониманию своей национальной сути. Я знаю всё их мысли, всё представления. Они же дети... Они способны на бунт. Бегут, белое от чёрного не отличают, всё громят, всё крушат. Вы не знаете, что в тот день, когда здесь были командиры соседних войск — русский и армянин, — солдаты готовились бросить в офицерский клуб бомбу. Аллах уберёт их... Они хотели убить вас, думая, что вы продались русским.

Полковник слушал её с удивлением, стараясь не упустить ни единого слова. «Кто она, эта странная девушка? — думал он, — Откуда в ней столько силы? Как же она в такие годы набралась мудрости, откуда такие мысли? Почему забыла о себе?». У него не было ответа на эти вопросы. Он дивился её уму, величию.

Почувствовав перемену в его настроении, Фарида вскочила и пожала полковнику руку. Не вынимая своих тонких пальцев из его большой грубой ладони, она с надеждой заглянула ему в глаза. Не дождавшись ответа, с грустью сказала:

— Давайте же больше не говорить об отъезде, полковник! Вы согласны? Всё! Забудем это!

Она погладила руку полковника, который всё ещё не мог прийти в себя, погрузила мягкие пальцы в его седеющие волосы, нежно потрепав их.

Девушка продолжала смотреть ему в глаза и ждала ответа, но ожидМамая её были напрасны. Он, словно каменное изваяние, был глух к её ласкам. Тогда она обвила руками его голову и стала целовать в лоб и щёки, повторяя:

— Я остаюсь, остаюсь... Не могу уехать в такое трудное для вас время, не могу, понимаете? Не могу! — и она вдруг зарыдала. Слеза упала ему на

лоб и, щекоча, поползла по лицу.

Фарида плакала, забившись в угол.

Неожиданное признание девушки смутило и потрясло полковника. Её плач внезапно пробудил его от оцепенения, проник в самые глубины его души. Мирхайдар вдруг забыл, что он полковник, что собирается совершить беспримерный исторический поступок. К нему вновь вернулись его семнадцать лет. Он потянулся к Фариде, взял её руку, погладил волосы. Девушка уронила голову ему на плечо, шелковистыми руками обвила его негнущуюся шею...

Всё! Она остаётся!..

Полковнику теперь казалось: опасный план бегства, пушки, ружья — всё пустяки! Разве это могло иметь значение, когда рядом был сам небесный ангел, чистый и прелестный!

* * *

Два дня минуло с тех пор, как ушли гонцы, а выстрела всё не было. С этой стороны сделали три выстрела, в ответ — ничего. Через день сделали пять выстрелов — тишина. Настал четвёртый день, и снова молчок. Сделали семь выстрелов — всё впустую. Решено было подождать ещё один день. Настал вечер. Тревога возрастала: неужели русские перехватили ребят? Только бы правды не узнали! Спать ложились с такими вот мыслями. Полковник же вовсе потерял покой. Он лежал с открытыми глазами, когда в ночной тишине послышался дробный стук копыт. Полковник вскочил: неужели провал?!

В дверь вбежала Фарида:

— Полковник, мы пропали! Им известно всё! Вечером капитан Иванов потребовал соединить его со штабом. На связи, к счастью, был наш человек. Он сказал что соединил, а сам стал слушать. Капитан, думая, что говорит с генералом, выложил всё, требовал срочного разоружения. Сказал, что кроме русских офицеров и прапорщика-башкира Атнагулова, доверять нельзя

никому. Телефонист ответил за генерала: «Завтра позвоню», и прервал связь. Если не уйдём сейчас, полковник, завтра поздно будет!

Тимергалиев молча уставился на Фариду.

— Ночь тёмная, — сказала она, — может, пройдем ещё, в запасе у нас половина ночи!

В голове полковника пронеслось множество планов. Было ясно, что прежде всего он должен переговорить с товарищами. Решено было выступать, не теряя времени, а с Ивановым разобраться на марше. Напоследок полковник протрубил сбор, уже в полном боевом облачении, заскочил в штаб полка сообщить по телефону командирам соседних подразделений армии о, якобы, полученном приказе, чтобы обезопасить себя от их преследовМаяя. Каждое отделение получило самостоятельный маршрут, встреча была назначена за горным массивом, на территории Турции. Дорожная охрана была предупреждена.

Перед выступлением в поход полковник передал Фариде секретные бумаги, приказав надёжно спрятать их и хранить, как священный талисман. Другую пачку он спрятал на себе, а третью отдал Ибрагиму. Если в пути попадём к русским, — объяснил он, — документы должны быть уничтожены, а, оказавшись в Турции, следует отдать их в руки самого большого начальника. Войску было приказано не стрелять, соблюдать полную тишину.

Солдаты верхом на лошадях осторожно продвигались в ночи. Было темно и ветрено, поэтому линию фронта миновали благополучно. Дальше дорога вела в долину между двумя горами. На одной горе расположилась русская артиллерия, на другой — турецкая. Идти по дороге с двух сторон обстреливаемой пушками, было очень опасно. Русский полковник предупреждён по телефону, поэтому с их стороны пушки должны молчать; и турки, если до них дошло донесение, отправленное с тремя солдатами, стрелять не будут. Однако, о судьбе своих гонцов полковник ничего не знал, поэтому уверенности не было. Он приказал продвигаться очень и очень медленно. Они были уже в долине, когда события внезапно развернулись

следующим образом: прапорщик Атнагулов, отстав от своих, погнал лошадь назад. Иванов бросился следом и был застрелен, тогда как Антагулову удалось укрыться в кустарнике. Ружейные выстрелы разбудили стражу. С обеих сторон начали стрелять из ружей. Дальше передвигаться незаметно стало невозможно, оставалось одно: попытаться проскочить на большой скорости.

Тимергалиев, понимая, что каждая минута промедления повлечёт за собой гибель людей, приказал скакать во весь опор. Долина, шириной в два-три километра заполнилась лошадьми. Тут из-за облаков неожиданно выкатилась луна. Конница оказалась на виду. Заговорили пушки. Неясно было, стреляли русские или турки. Ядро упало и взорвалось. За первым полетело второе, третье. Затарахтел пулемёт. Войско продолжало скакать. Кто-то падал, раненая лошадь, истекая кровью, мчалась, как бешеная, раздавались стоны, крики, грохотали взрывы, стучали пулемёты, ржали кони, слышалась команда командиров: «Вперёд, вперёд!» — всё смешалось, слилось в сплошной рёв. Это был настоящий ад! Полковник Тимергалиев отыскал глазами скакавшую неподалёку Сююм. Через какое-то время различил среди солдат также и Фариду. Ядро угодило в передний ряд конного отряда. Солдат скПапался на землю, лошадь его упала на спину, задрав ноги. Полковнику показалось, будто что-то задело его. Под гимнастёркой расплывалось тепло. Он стегнул лошадь и рванулся вперёд. Фариды не отставала от него. Лицо её было вымазано кровью. Полковник видел издали, что лошадь под Сююм ранена. Пушки ухали, ядра летели с завывМамаем и взрывались, пулемёты тархтели без остановки, свистели пули, стреляли винтовки. Конное войско смешалось и было похоже на стадо. Лошади шатались, точно пьяные, и бешено храпели, стонали раненые.

Вот долина осталась позади. Войско оказалось в безопасности. Вдруг сверху на него обрушился широкий луч прожектора. Полковник закричал изо всех сил:

— Стройся! Разбиться на отделения!

Не прошло и минуты, как конница построилась. Не обращая внимания на разливающуюся по телу влагу, он осмотрел своё войско. Хотя раненых оказалось много, убиты были единицы. Большинство командиров осталось в строю. Легкораненых он приказал перевязать, о тяжёлых позаботиться, как положено.

Подросла Фарида с белым полотенцем.

— Я легко ранена, — сказала она и вышла вперёд, держа в окровавленных руках белый флаг. Девушка вынула также спрятанное под одеждой турецкое знамя и крикнула:

— Да здравствует Турция!

Войско ответило ей.

Скакавшие навстречу турецкие всадники остановились в недоумении.

Вот с русской стороны гор послышался шум. Грянули одиночные пушечные удары, а затем залпы многих орудий слились в сплошной гул и грохот. Русская канонада гнала их дальше, вглубь Турции.

— Вперёд! — скомандовал полковник.

Занялась заря. Мягкий свет нарождающегося дня приветствовал сыновей разных племён, спешащих в земли родственных им тюрков. Показался небольшой городок с несколькими минаретами. Полковник направился туда. Перед вступлением в город он привёл войско в порядок, снова разбив его на отряды. На улицах армия должна была соблюдать строй. Музыкантам скомандовал приготовиться.

Город встретил их азаном, который внезапно прозвучал со всех минаретов. Полковник потянул за узду — послушный конь остановился. Остановилась вся армия и даже кровь, струившаяся под одеждой полковника. Азан затих и раздалась команда:

— Музыка!

«Марш Тамерлана» и топот тысяч лошадиных копыт, дружно шагавших под музыку, наполнили городок. Войско в русских мундирах под турецким знаменем удивляло и пугало людей. Конница медленно продвигалась.

галась вдоль улицы. Стены домов, отражая звуки, казалось, приветствовали её. В окнах толпился народ. Проснулся не только город, но и вся округа. Звуки музыки, клич солдат: «Да здравствует Турция!» разбудили всех.

Вот войско выстроилось перед зданием городского управления, где теперь располагался военный штаб. Турецкое знамя, развевавшееся на крыше здания, будто приветствовало милых сыновей. Оно радостно трепетало и шумело на утреннем ветре.

Турецкие военные, похоже, начали наконец понимать, что происходит. Полковник скомандовал:

— Приветствие!

Лес копий, принадлежавших потомкам двенадцати тюркских племён, взметнулся вверх. Трепетное турецкое знамя, казалось, подхватывало их клятвы, исходившие из самого сердца, и возносило до небес, чтобы навечно запечатлеть в «Ляухельмахфузе» — книге судеб.

Полковник, Сююм и Фарид с двух сторон, а также два турецких офицера вынесли русское знамя. Полковник сказал:

— Мы такие же, как вы, тюрки. В тяжелые для вас дни, когда страна со всех сторон окружена врагами, мы хотим быть рядом. Для родного всем нам тюркского Дома мы готовы проливать свою кровь. Вот почему ушли мы из русского войска. Мы ждём, что вы примете нас и позволите защищать Турцию!

Сказав так, он бросил русское знамя на землю и крикнул:

— Да здравствует Турция!

Войско дружно вторило ему.

Турецкий менбаша*, из глаз которого текли слёзы, обнял полковника. Казалось, это два родных брата встретились после долгой разлуки. Турок целовал Тимергалиева, прижимал его голову к груди и снова принимался целовать. Он радостно улыбался и продолжал плакать счастливыми слезами. Глядя на них солдаты тоже стали брататься с турками. Только Фариде, стоявшей с турецким знаменем в руках, и Сююм не с кем было обниматься.

Никто не подошёл к ним, чтобы поздравить с прибытием после долгой и опасной дороги, не радовался их избавлению от русского гнёта, под которым они жили много тяжких лет, не было у них здесь ни матерей, ни сестёр, никто не им был рад.

Заиграла турецкая музыка. Это был «Марш Орды». После того, как музыка стихла, турецкий менбаши поднялся на возвышение.

— Братья! — сказал он, — Я поздравляю вас с освобождением от русской неволи и от всёй души разделяю вашу радость. Эта со всёх сторон осаждённая врагами страна является землёй тюрков. Наша родина для вас тоже Дом родной. Перед вами, нашими братьями, поспешившими нам на помощь в мрачные для нас дни, в светлые счастливые дни двери Дома нашего будут так же радушно распахнуты!..

Менбаши прервал свою речь, потому что слушавший его с почтением Мирхайдар вдруг задрожал, зашатался и повалился на Фариду. Как только приехавшие на вызов врачи привели его в чувство, первое, что он сделал, — потянулся за бумагами, спрятанными у него на груди, чтобы отдать менбаши, которого из-за тумана в глазах он видел плохо, и больше чувствовал, что тот стоит рядом. Сил не хватало, и он глазами попросил Фариду помочь. Пока девушка передавала бумаги, он напряженно следил за ними. Фаридка сказала:

— Это секретные сведения русского военного штаба.

При этих словах Тимергалиев улыбнулся. Улыбка не сходила с его лица всё время, пока менбаши перебирал бумаги. То была улыбка счастливого человека, сознававшего, что сумел довести задуманное до конца и спасти нацию. Так, с улыбкой на устах он и ушёл из жизни. Светлая душа его лёгким облаком воспарила в небо.

* * *

Полковника предали земле с великими почестями. Героический его полк воевал против англичан и помогал брать их в плен. Документы, вынесенные полковником Тимергалиевым, раскрыли военные тайны союзных войск и расстроили их планы.

Турецкие власти позаботились о том, чтобы Сююмбике училась в одной из школ Стамбула, Фарида же осталась служить в армии сестрой милосердия. Она жила надеждой, что когда-нибудь настанет счастливое время, и над Батумом, Ганжей и Баку будут развеяться тюркские знамёна, а Туркестан, Крым, Идель-Урал снова высоко поднимут знамя Золотой Орды. Чтобы приблизить эти желанные дни, она продолжала искать среди военных единомышленников, товарищей, одержимых такой же мечтой, – людей, на которых можно было бы опереться. Она горячо верила, что каждый нарождающийся день сулит ей надежду на скорые перемены. Дни, протекавшие вяло, без всяких событий, были для неё схожи с ночью. Так, с верой и надеждой в душе, она месяцы и годы служила в армии, и не переставала ждать, что счастливые дни избавления придут непременно.

Берлин, 1922

Перевод с татарского
Азалии-Килеевой-Бадюгиной
Перевод осуществлён по изданию:
Исхакый Г. Эсэрлэр. В 15 томах. 5 том/төз.
Л. Гайнанова. — Казань: Татар. кит. нәшр., 2001